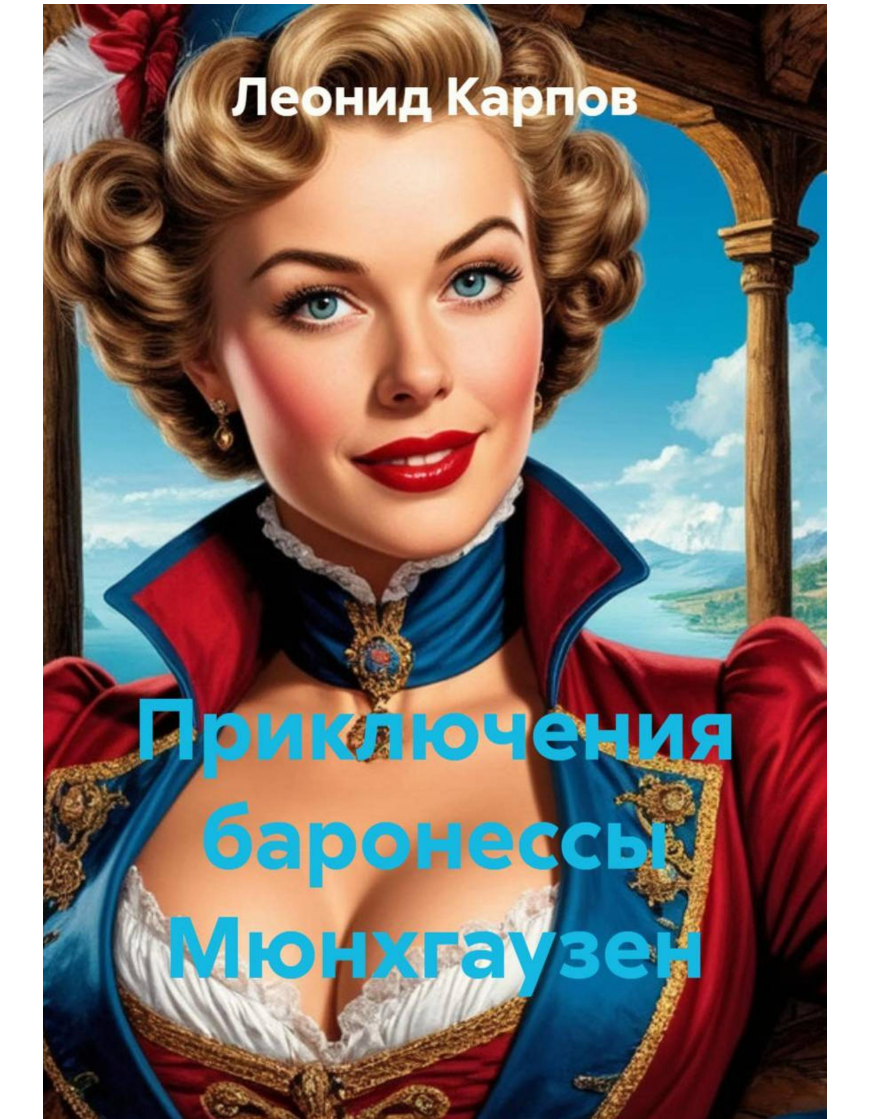

A movie poster featuring a woman with blonde, curly hair, blue eyes, and red lips. She is wearing a red and blue dress with gold embroidery and a white lace collar. The background shows a wooden archway and a landscape with mountains and a lake. The text 'Леонид Карпов' is at the top, and 'Приключения баронессы Мюнхгаузен' is in the center.

Леонид Карпов

Приключения
баронессы
Мюнхгаузен

Леонид Карпов

Приключения баронессы Мюнхгаузен

<https://litres.ru/73129763>

SelfPub; 2026

Аннотация

<p>Забудьте все, что вы знали о границах возможного. Оказывается, у того самого барона Мюнхгаузена есть кузина баронесса Иеронима фон Мюнхгаузен. И ее приключения (разумеется, абсолютно такие же правдивые) значительно превосходят по эпичности и пикантности происшествия, с которыми сталкивался ее кузен. Ведь баронесса это не просто невыразимо прекрасная женщина в корсете, который утягивает талию до шестнадцати дюймов, а настоящая Архитекторша Небылиц, Великая Мистификаторша Реальности, Флагман Русского Духа и главная во Вселенной Нарушительница Скуки.</p><p>Летать на большие расстояния баронесса Мюнхгаузен предпочитает не на пушечном ядре, а на пробке от шампанского, зонтике или даже солнечном луче (истинная леди никогда не перемещается на одном и том же два дня подряд). Эта книга о том, как юмор становится оружием массового прозрения, а воображение единственным способом спасти человечность от свинцового уныния.</p>

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	10
ГЛАВА I: О ТОМ, КАК Я ОБУЗДАЛА СВИРЕПОГО СКАКУНА И ОТКРЫЛА НОВЫЙ МЕТОД ПЕРЕДВИЖЕНИЯ	11
ГЛАВА II: О ТОМ, КАК МОИ ЧУЛКИ СПАСЛИ ЭКСПЕДИЦИЮ В АЛЬПАХ, И О ПОЛЬЗЕ ГОРЯЧЕГО ТЕМПЕРАМЕНТА	13
ГЛАВА III: О ТОМ, КАК РАСТЯНУТЫЙ ШЕЛК ПОМОГ ВЫУДИТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, И О ПОЛЬЗЕ ЛУННОГО СВЕТА	16
ГЛАВА IV: О ТОМ, КАК ЧЕКИ ОТ МОДИСТКИ ЗАМЕНИЛИ ДОКТРИНУ, И О ПРЕДСМЕРТНОМ ХРИПЕ КАРДИНАЛА	19
ГЛАВА V: О ТОМ, КАК Я ОСЕДЛАЛА СФИНКСА И ПРОВЕЛА НОЧЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ С САМЫМ МОЛЧАЛИВЫМ КАВАЛЕРОМ	22
ГЛАВА VI: О ТОМ, КАК МОЯ ШЛЯПКА СПАСЛА ТРИ СОТНИ МАТРОСОВ И О ПОЛЬЗЕ ПРАВИЛЬНОГО НАТЯЖЕНИЯ	25
ГЛАВА VII: О КОШКЕ В САПОЖКАХ, ЕЕ ГЕНИАЛЬНОЙ МИСТИФИКАЦИИ И	29

ОТЖАТИИ НЕДВИЖИМОСТИ	
ГЛАВА VIII: О ДУЭЛИ НА ВЕЕРАХ, ПОРУЧИКЕ РЖЕВСКОМ-МЛАДШЕМ И О ТОМ, КАК ОПАСНО ДРАЗНИТЬ БАРОНЕССУ	37
ГЛАВА IX: О ТОМ, КАК Я СОГРЕЛА АРКТИКУ, И О СЕКРЕТЕ ПОЛЯРНОГО СИЯНИЯ	40
ГЛАВА X: О ТОМ, КАК Я ВЫШИВАЛА ПО ВОЗДУХУ, И О ПОЛЬЗЕ БРИТАНСКОЙ ПУНКТУАЛЬНОСТИ	43
ГЛАВА XI: О ТОМ, КАК Я ИЗОБРЕЛА «АЭРОГРАЦИЮ», И О КОВАРСТВЕ ЛОНДОНСКИХ СКВОЗНЯКОВ	46
ГЛАВА XII: О МАГИИ СТРАСТИ, БЛЕСКЕ ВЕРСАЛЯ И ЗОЛОТЕ КАК ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОМ ДИАГНОЗЕ	49
ГЛАВА XIII: О ВЕЛИКОЙ ХОЧУХЕ, САМОМ ЖЕЛАННОМ МУЖЧИНЕ И ПРИНЦЕ УДОВОЛЬСТВИЙ	52
ГЛАВА XIV: О КРУШЕНИИ ПИРАТСКОЙ АРМАДЫ ИЗ-ЗА ОДНОЙ ДЕТАЛИ ГАРДЕРОБА И О ТОМ, К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ПРАЗДНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО	57
ГЛАВА XV: О ВЕЛИКОЙ ДАМБЕ ИЗ КРУЖЕВ И О ТОМ, ПОЧЕМУ АДРИАТИКА ПОКРАСНЕЛА	61

ГЛАВА XVI: О ЛЕВИТАЦИИ В ТУГИХ САНДАЛИЯХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ У МОНАХОВ ЗАПЕЛИ КОЛОКОЛЬЧИКИ	64
ГЛАВА XVII: О ТОМ, КАК Я ОСЕДЛАЛА СМЕРЧ В КАНЗАСЕ И ПОЧЕМУ КОРОВЫ СТАЛИ ДАВАТЬ СГУЩЕНКУ	67
ГЛАВА XVIII: ОБ ИСПАНСКОЙ КРОВИ, ШЕЛКОВОМ КАПКАНЕ И МАДРИДСКОЙ БЕССОННИЦЕ	70
ГЛАВА XIX: О КАРЛСОНЕЛЛЕ, ПОВЗРОСЛЕВШЕМ МАЛЫШЕ И ПОЛЕТАХ НАД КРЫШАМИ	73
ГЛАВА XX: О МОЛЕКУЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ И О ТОМ, ПОЧЕМУ В ВЕРСАЛЕ ОЖИЛО ДЕРЕВО	76
ГЛАВА XXI: О ПОЛЕТЕ НА ЛУНУ И О ТОМ, КАКОЙ СЛЕД Я ОСТАВИЛА НА ЕЕ ПОВЕРХНОСТИ	79
ГЛАВА XXII: О ПРИЧЕСКЕ В СТИЛЕ «ИНФЕРНО», ГОРЯЧЕМ ПРИЕМЕ ГЕФЕСТА И О ТОМ, ПОЧЕМУ ЭТНА ДО СИХ ПОР ВЗДЫХАЕТ	84
ГЛАВА XXIII: О ТОМ, КАК Я ОСЕДЛАЛА ПЛАМЯ И ПОЧЕМУ МОЙ КОРСЕТ ТЕПЕРЬ КРЕПЧЕ ЛЮБОГО АЛМАЗА	87
ГЛАВА XXIV: О ГРАЦИОЗНОМ КОШАЧЬЕМ	90

МЕНУЭТЕ И КОВАРСТВЕ ШЕЛКОВЫХ ПОДВЯЗОК В ДЕБРЯХ СЕЛЬВЫ	
ГЛАВА XXV: О ТОМ, КАК Я ПОКОРИЛА АМАЗОНКУ И ЗАЧЕМ ГУБЕРНАТОРУ ЛЕОПАРДОВЫЙ ФРАК	93
ГЛАВА XXVI: О КАЛЛИГРАФИИ ЧУВСТВ, СЛЕЗАХ САМУРАЯ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ТУШЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ТЕПЛОЙ	96
ГЛАВА XXVII: О ВЕЛИКОЙ И УЖАСНОЙ ГУДВИНОЙ, ИСПОЛНЕНИИ ЖЕЛАНИЙ И «КАНЗАССКОЙ НАСТОЙКЕ»	99
ГЛАВА XXVIII: О ЧЕРНО-БЕЛОЙ СТРАСТИ, ОЖИВШЕЙ ТЕНИ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ПЛЕНКА ПЛАВИТСЯ ОТ ОДНОГО ВЗГЛЯДА	108
ГЛАВА XXIX: О ЦИФРОВОМ ТРАНСЕ, ЗЕРКАЛЬНЫХ ЛАБИРИНТАХ И АЛГОРИТМИЧЕСКОМ БЕЗУМИИ	111
ГЛАВА XXX: О ГЛАВНОМ ВОЯЖЕ И СЕКРЕТЕ ВЕЧНОСТИ В ОДНОМ ПОЦЕЛУЕ	115
ГЛАВА XXXI: О МОЕЙ КУЗИНЕ ЗИГМУНДЕ ФРОЙД, МУЖСКИХ ПРОБЛЕМАХ И ЕЕ ЧУДОДЕЙСТВЕННОЙ КУШЕТКЕ	118
ГЛАВА XXXII: О ТОМ, КАК Я УКРАЛА ЛИШНИЙ ЧАС У ВЕЧНОСТИ, И О ПОЛЬЗЕ РАССТЕГНУТОЙ ПУГОВИЦЫ	127
ГЛАВА VVX: О БАЛЕ НЕВИДИМОК,	130

ПРОЗРАЧНЫХ НАМЕРЕНИЯХ И О ТОМ, КАК ОПАСНО ДОВЕРЯТЬ ЗЕРКАЛАМ В ДВАДЦАТЬ ПЯТОМ ЧАСУ	
ГЛАВА LLLC: О СЕСТРИЦЕ КРОЛЬЧИХЕ, КУСТАХ И ЛИПКИХ ОБЪЯТИЯХ	134
ГЛАВА СМС: О КВАНТОВОМ СОБЛАЗНЕ, ДЕГУСТАЦИИ ЖЕЛАНИЙ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ФИЗИКА СТАЛА ТАКОЙ... ТАКТИЛЬНОЙ	143
ГЛАВА DDX: О ШЕПОТЕ МАТЕРИИ, АЛХИМИИ БЛИЗОСТИ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ТИШИНА СТАЛА ТАКОЙ ГРОМКОЙ	146
ГЛАВА IIIV: О СЛИЯНИИ ТЕНЕЙ, ЗВЕЗДНОМ ПУЛЬСЕ И О ТОМ, ПОЧЕМУ РАССВЕТЫ СТАНУТ ДРУГИМИ	149
ГЛАВА XXXXL: О ВОЗВРАЩЕНИИ В ЗАМОК, ГОВОРЯЩИХ ПОРТРЕТАХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ МОЙ БУДУАР – САМОЕ ОПАСНОЕ МЕСТО В ЕВРОПЕ	152
ГЛАВА CCDD: О ЛАБИРИНТЕ ЧУВСТВ, ВИНЕ ИЗ ТУМАНА И О ТОМ, ПОЧЕМУ В МОЕМ ЗАМКЕ НЕ НУЖНЫ ЛАМПЫ	155
ГЛАВА MMMM: ОБ ИВАНУШКЕ-ДУРОЧКЕ, СКАЗКАХ НА НОЧЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ ДУРАКОВ	158
ГЛАВА VIII: О ВЕЛИКОМ КОКТЕЙЛЕ	167

«МЮНХГАУЗЕН», ЗОЛОТОМ ХАОСЕ И О ТОМ, КАК ОПАСНО СМЕШИВАТЬ ВЕЧНОСТЬ С ЛЮБОПЫТСТВОМ	
ГЛАВА IXV: О ДОНЫШКЕ ИЗУМРУДНОЙ ЧАШИ, ПОСЛЕДНЕМ ГЛОТКЕ ИСТИНЫ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ЗЕРКАЛА ТЕПЕРЬ БУДУТ ТЕБЕ ПОДМИГИВАТЬ	170
ГЛАВА XLX: О ДЕСЕРТЕ ИЗ ОБЛАКОВ, ГРАВИТАЦИИ ЧУВСТВ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СТАЛО МОДНО ЛЕТАТЬ ВО СНЕ	173
ГЛАВА LCLL: О МОРСКОМ БРИЗЕ В СПАЛЬНЕ, ШТОРМЕ ПОД ОДЕЯЛОМ И О ТОМ, ПОЧЕМУ В ЭРУ МЮНХГАУЗЕН ТАК ТЯНЕТ НА ПРИКЛЮЧЕНИЯ	176
ГЛАВА DMD: О СУНДУКЕ С «ВОЗМОЖНЫМ», СОЛЕНОМ ПОЦЕЛУЕ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СКОРО У ТЕБЯ ВСЕГДА БУДЕТ ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР	179
ГЛАВА ICSSS: О ГЕККЕЛЬБЕРТЕ ФИННЕ, ПУТЕШЕСТВИИ НА ПЛОТУ И СОЗРЕВШЕМ ПЕРСИКЕ	182
ГЛАВА VVV: О ЗАВТРАКЕ НА КРАЮ БЕЗДНЫ, КОФЕЙНОЙ МАГИИ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СКОРО САХАР БУДЕТ ЛИШНИМ	188
ГЛАВА XXXVX: О ЗЕРКАЛЕ СУДЬБЫ, ЗВОНЕ КЛЮЧЕЙ И О ТОМ, ПОЧЕМУ В	191

ТВОЕМ ВРЕМЕНИ ОТРАЖЕНИЯ СТАЛИ

ТАКИМИ ОТКРОВЕННЫМИ

ГЛАВА LIL: О ЖИЗНИ ВНУТРИ

194

АМАЛЬГАМЫ, СЕРЕБРЯНОМ ДОЖДЕ И О

ТОМ, ПОЧЕМУ СКОРО ПРАВДА СТАНЕТ

ПРОЗРАЧНОЙ

ГЛАВА CDC: О РТУТНОЙ СТРАСТИ, О ТОМ,

197

КАК РАСПИСАТЬСЯ НА ВОДЕ, И ПОЧЕМУ,

ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ОДИНОЧЕСТВО СКОРО

СТАНЕТ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНЫМ

Конец ознакомительного фрагмента.

199

Леонид Карпов

Великая баронесса

Мюнхгаузен

ВСТУПЛЕНИЕ

О, мой дорогой слушатель! Позволь представиться: баронесса Иеронима фон Мюнхгаузен. Приготовься слушать истории, достойные пера величайших фантастов, но, смею тебя заверить, совершенно правдивые. Мой кузен – Карл Фридрих Иероним барон фон Мюнхгаузен, ротмистр русской службы – был известен своими байками, но его приключения меркнут по сравнению с моими. Он летал на пушечном ядре? Как прозаично! Я же всегда предпочитала более... эlegantные способы передвижения.

ГЛАВА I: О ТОМ, КАК Я ОБУЗДАЛА СВИРЕПОГО СКАКУНА И ОТКРЫЛА НОВЫЙ МЕТОД ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Это произошло в окрестностях Вены. Мой экипаж намертво увяз в такой густой трясине, будто сама почва решила поглотить нас. Кучер, малый весьма бестолковый, моментально провалился в жижу по самый пояс, бросив меня на произвол судьбы. Впрочем, со мной остались моя воля и неиссякаемая вера в успех.

Внезапно из лесной чащи вырвался великолепный вороной жеребец. В его движениях чувствовалась первобытная мощь, а в глазах полыхал огонь непокорности. Было очевидно: этот зверь не знал человеческой руки. Но как иначе мне было достичь города? Ни седла, ни упряжи под рукой не оказалось.

Зато при мне была находчивость и пара длинных шарфов из плотного шелка, дополнявших мой дорожный костюм. Когда конь метнулся в мою сторону, я и глазом не моргнула. Напротив, я совершенно невозмутимо развернула ткань. Яркий шелк, трепещущий на ветру, заморозил животное.

Смастерив из шарфа подобие узды, я сумела подойти вплотную. Жеребец держался настороженно, но мое ледяное спокойствие (а может, и тонкий аромат сирени, исходивший от шелка) уладило его нрав. Проявив толику хитрости и незаурядную ловкость, я в одно мгновение оказалась в седле – точнее, на его голой спине.

О, это была незабываемая скачка! Скакун летел вперед, но не в слепом испуге, а с поразительной быстротой. Воздух звенел в ушах, мои рыжие локоны развевались, лесные пейзажи сливались в одну зеленую полосу. Мы вихрем пронеслись сквозь чащу и бескрайние поля, пока на горизонте не выросли венские шпили.

В город мы ворвались в считанные минуты. Когда я с подобающим изяществом сошла на землю, нас тут же окружила ошеломленная толпа. Горожане отказывались верить, что я покорила столь дикое создание без нужной сбруи. Я лишь понимающе улыбнулась, поправляя поля шляпки. Шарф, признаться, пришел в негодность, зато жеребец после такой энергичной прогулки стал на редкость смирным. Он даже позволил мне потрепать себя по холке!

Именно в тот миг меня посетила блестящая мысль: использовать силу подобных резвых животных для дальних странствий. Это куда увлекательнее тряски в унылых каретах и, что самое главное, несоизмеримо быстрее!

Желаешь ли услышать, как позже, благодаря стае диких гусей, я совершила перелет через Альпийские горы?

ГЛАВА II: О ТОМ, КАК МОИ ЧУЛКИ СПАСЛИ ЭКСПЕДИЦИЮ В АЛЬПАХ, И О ПОЛЬЗЕ ГОРЯЧЕГО ТЕМПЕРАМЕНТА

О, мой дорогой слушатель! Придвинься поближе, но не слишком – мой корсет сегодня затянут так туго, что одно неловкое движение может вызвать эффект разорвавшейся бомбы.

Итак, Альпы. Величественные, холодные и совершенно неподатливые – совсем как мой третий муж, да упокоит господь его скучную душу. Мне во что бы то ни стало нужно было попасть в Италию к ужину: там подавали изумительные артишоки, а шеф-повар обещал показать мне свою... лекцию старинных соусников.

К несчастью, перевал завалило снегом. Мои проводники-горцы, крепкие ребята с мускулами, напоминающими свежесвеженные багеты, впали в уныние. Они твердили, что пройти невозможно. Но баронесса Мюнхгаузен не знает слова «невозможно», она знает только слово «недостаточно».

– Господа, – сказала я, скидывая тяжелую соболью накид-

ку и оставаясь в одном лишь дорожном платье с весьма... авантюрным декольте. – Нам не нужны тропы. Нам нужно небо!

В небе как раз кружила стая диких гусей. Огромные птицы, жирные и довольные. Я поняла: это мой шанс. Но как их поймать? У меня не было сети, зато были мои верные шелковые чулки – подарок одного восточного султана, который клялся, что они прочнее стальной нити и нежнее кожи младенца.

Я сняла их одним изящным движением (проводники, бедняги, так и застыли с открытыми ртами, кажется, у одного даже началось обморожение, но не от холода, а от восторга). Связав чулки вместе, я получила эластичный аркан.

Я подбросила их вверх с такой силой, которую дает только истинное желание успеть на десерт. Мои чулки, словно живые, обвили лапы вожака и еще дюжины птиц. Гуси рванули вверх! Я едва успела ухватиться за край шелкового полотна.

– Прощайте, мальчики! – крикнула я проводникам, которые внизу превратились в крошечные точки.

Мы летели над вершинами. Было ли холодно? О, несколько! Трение воздуха о мои бедра (чулки-то были на гусях!) создавало такое тепло, что снег на пиках гор под нами начал таять, вызывая преждевременную весну в долинах.

Однако возникла проблема: гуси летели на юг, а мне нужно было чуть правее, к Риму. Управлять стаей птиц, держась за собственные чулки – задача не для слабонервных. Но я

вспомнила о своей врожденной... харизме. Я начала петь старую немецкую арию о любви. Мой голос, вибрирующий от волнения и разреженного воздуха, подействовал на вожака магически. Гусь влюбился (влюбился, Карл!). Он летел туда, куда указывал мой кончик туфельки, лишь бы продолжать слышать эти божественные рулады.

Мы приземлились прямо на вилле в Тиволи. Я мягко спружинила в кусты роз, а гуси, совершенно ошарашенные моими вокальными данными, улетели, оставив мне чулки... правда, слегка растянутые.

Хотите узнать, как в ту же ночь мне пришлось использовать эти растянутые чулки для совершенно невероятного, но очень важного дела, связанного с древними тайнами и ночными приключениями?

ГЛАВА III: О ТОМ, КАК РАСТЯНУТЫЙ ШЕЛК ПОМОГ ВЫУДИТЬ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ТАЙНУ, И О ПОЛЬЗЕ ЛУННОГО СВЕТА

О, я вижу по твоему взгляду, что ты уже представил себе нечто греховное! Успокойся, мой друг, или, наоборот – не смей успокаиваться, ведь истина куда пикантнее твоих фантазий.

Итак, я оказалась на вилле в Тиволи. Ночные розы пахли так одуряюще, что даже мои верные чулки, казалось, источали аромат приключений. Проблема была в том, что мой хозяин – престарелый, но крайне подозрительный кардинал – заперся в своем кабинете на верхнем этаже башни с секретными документами, которые могли бы перевернуть всю карту Европы... или хотя бы фасон корсетов в этом сезоне.

Лестницы охраняли гвардейцы с алебардами такими длинными, что ими можно было чесать пятки ангелам. Вход через дверь был исключен. И тут я вспомнила о своих чулках, которые после полета с гусями растянулись до невероятной длины – метров на десять каждый!

Я привязала один конец этого нежнейшего шелка к кованой решетке балкона, а из второго соорудила петлю. Но как подняться? Мои руки, хоть и привыкли держать поводья и бокалы с шампанским, не были созданы для грубого лазания.

Тогда я применила метод, который называю «физика страсти». Я начала раскачиваться в этой петле, используя ритмичные движения бедер, которые я разучила в Калькутте у одной храмовой танцовщицы. Луна освещала мой силуэт, и, клянусь, даже сверчки в саду замолчали, пораженные траекторией моих колебаний.

С каждым взмахом я взлетала все выше. Платье развевалось, обнажая... впрочем, кардинал, выглянувший в окно на странный шорох, увидел ровно столько, сколько нужно было, чтобы он выронил из рук тяжелую печать и на мгновение потерял дар речи.

В момент высшего апогея я, словно кошка, впорхнула в его окно. Бедный старик! Он подумал, что к нему явилось видение. Я не стала его разубеждать. Пока он, затаив дыхание, наблюдал, как я «случайно» распутываю зацепившийся за его письменный прибор шелковый край, я успела прочесть все нужные бумаги.

– О, святой отец, – прошептала я, склоняясь к его уху так близко, что его седые кудри затрепетали от моего дыхания. – Кажется, я запуталась... Помогите даме освободиться от этих пут?

Его дрожащие пальцы битых полчаса возились с узлами на моих чулках. Это было так утомительно, что мне пришлось выпить весь его коллекционный херес, чтобы не уснуть от скуки. Когда я наконец «освободилась» и упорхнула обратно в окно, используя чулки как импровизированный канат для спуска, кардинал был твердо уверен, что провел лучшую ночь в своей жизни, хотя я даже не сняла перчаток.

Но самое интересное началось на следующее утро, когда выяснилось, что в спешке я поменяла его секретные депеши на список своих покупок у модистки. Представляешь лицо кардинала, когда он прочитал о кружевах и атласах?

Но это еще не конец итальянской истории.

ГЛАВА IV: О ТОМ, КАК ЧЕКИ ОТ МОДИСТКИ ЗАМЕНИЛИ ДОКТРИНУ, И О ПРЕДСМЕРТНОМ ХРИПЕ КАРДИНАЛА

Оставить бедного святого отца на растерзание списку моих кружев и панталон было бы слишком даже для моей богатой фантазии. Пожалуй, пора поставить точку в этом забавном эпизоде.

Представь себе: раннее утро, Ватикан залит золотистыми лучами, а в кабинете еще витает дерзкий аромат моих духов «Ночной грех». Старый кардинал, чьи пальцы слегка дрожали, подносит к глазам листок бумаги. Тот самый, который я ловко подменила вместо секретного документа о разделе итальянских территорий.

Вместо имен мятежников и списков крепостей он видит следующее: «Первое: семь пар чулок из тончайшего шелка цвета рассвета – настолько прозрачных, что сквозь них можно прочесть ритм сердца... Второе: атласный корсет цвета воронова крыла, утягивающий талию до шестнадцати дюймов, но позволяющий груди вздыматься в грешном порыве».

ве...»

Его Высокопреосвященство начал бледнеть. А секретарь – молодой аббат с глазами, полными мирского огня – бесцеремонно заглянул через плечо наставника.

– Господи помилуй! – воскликнул он. – Это же гениальный шифр! «Шелковые чулки» – без сомнения, маневры конницы на южных границах! А «тесный корсет» – это детальная схема окружения Рима!

Кардинал занервничал так, что его алая шапочка съехала на затылок. Видимо, воображение нарисовало ему меня в том самом корсете (память у старика была отменной), и пульс его взлетел выше купола Святого Петра.

– Немедленно! – выдавил он. – Закупите все по списку! Если это цена мира, мы согласны на любые условия!

В итоге историки ломают голову, пытаясь понять: с чего вдруг Святой Престол заказал в Париже три сотни алых подвязок и целый вагон элитного кружева? А я... я получила свои обновки спустя неделю. Посылку доставил спецкурьер в рясе, который покраснел так густо, что сравнялся цветом с шелком в своих руках.

– Баронесса, – прошептал он, пока я «невзначай» демонстрировала, как именно этот атлас облегает фигуру, – Его Высокопреосвященство передал, что жаждет... продолжения переговоров. В ближайшее полнолуние.

Я лишь весело рассмеялась, затягивая шнуровку. Той ночью пол-Рима мучилось бессонницей. А кардинал... шепта-

лись, что он заказал портрет, где вместо Писания сжимает в руке обрывок тончайшего кружева.

Теперь тебе ясно, мой дорогой слушатель? Порой простой список покупок переворачивает историю круче любой дивизии. Секрет успеха – в правильном оттенке чулок.

Хочешь узнать, как я верхом на Сфинксе искала источник вечной молодости и почему после этого у всех египетских статуй такое загадочное выражение лица?

ГЛАВА V: О ТОМ, КАК Я ОСЕДЛАЛА СФИНКСА И ПРОВЕЛА НОЧЬ ПОД ЗВЕЗДАМИ С САМЫМ МОЛЧАЛИВЫМ КАВАЛЕРОМ

Хорошо, хорошо, вижу, ты так же любопытен, как тот молодой падишах, который пытался выведать у меня секрет моего румянца. Египет, значит...

Путешествие в Египет было вызвано необходимостью. Мой крем для лица, который я заказывала у алхимика в Болонье, перестал поступать из-за разногласий с таможей. Пришлось лететь самой.

В Каире стояла невыносимая жара. Пока остальные дамы томно обмахивались веерами и падали в обморок, я решила, что лучший способ освежиться – это ночная прогулка к пирамидам. И, конечно, не пешком.

Я подошла к Великому Сфинксу. Он сидел там, величественный, загадочный, с выражением лица мужчины, который только что услышал анекдот, но не уверен, стоит ли смеяться. Я почувствовала родство душ.

– Милый мой, – прошептала я, поглаживая его гигантскую

каменную лапу, – не желаешь ли немного размять свои затекшие конечности?

Я порылась в своей дорожной сумке и достала маленькую бутылочку. В ней был эликсир жизни, который я конфисковала у болонского алхимика вместо оплаты за рецепт артишоков. Я знала, что несколько капель этого зелья могут вдохнуть жизнь даже в самые безнадежные случаи.

Я пролила эликсир на спину Сфинкса и, не теряя времени, ловко запрыгнула на его каменную шею.

То, что произошло дальше, описать сложно. Сфинкс вздрогнул. Его каменные мускулы начали двигаться. С громким, леденящим душу скрежетом он поднялся на ноги! Тысячи лет молчания были прерваны звуком крошащегося камня и моим радостным визгом.

Это была дивная поездка! Он мчался по пустыне, поднимая тучи песка, которые при свете луны казались золотыми. Я держалась за его уши – не самое удобное, но единственно возможное крепление. Мы пролетели мимо пирамид так быстро, что мумии в саркофагах проснулись и начали аплодировать.

Всю ночь мы гуляли под звездами. Я рассказывала Сфинксу о своих приключениях, о глупости мужчин, о моде на кринолины. Он слушал внимательно и молча. Признаюсь, это был самый лучший и внимательный слушатель, которого я когда-либо встречала. Никаких советов, никаких перебиваний, только загадочная улыбка.

К утру, когда песок начал розоветь, я поняла, что пора возвращаться. Действие эликсира ослабевало.

– Спасибо за прогулку, мой каменный друг, – сказала я, погладив его по носу (кстати, именно тогда он и отвалился, но это уже совсем другая история).

Я соскользнула на землю. Сфинкс медленно, с достоинством опустился на свое законное место, снова превращаясь в статую. Он сохранил то самое выражение лица – смесь удивления, удовольствия и легкой грусти расставания. С тех пор все туристы ломают голову над его загадкой, а разгадка проста: он вспоминает ночь, проведенную с баронессой Мюнхгаузен.

Источник вечной молодости я, кстати, так и не нашла. Зато нашла алхимика, который изобрел новый, более стойкий крем на основе верблюжьего молока.

Хочешь знать, как я однажды заткнула дыру в тонущем корабле с помощью своей шляпки и силы убеждения?

ГЛАВА VI: О ТОМ, КАК МОЯ ШЛЯПКА СПАСЛА ТРИ СОТНИ МАТРОСОВ И О ПОЛЬЗЕ ПРАВИЛЬНОГО НАТЯЖЕНИЯ

О, мой любознательный друг! Вижу по твоим расширенным зрачкам, что ты уже представляешь меня посреди бушующего океана. Что ж, твоя фантазия не так далека от истины, хотя реальность, как всегда, была гораздо более... облегающей.

Это случилось во время моего возвращения из Египта на великолепном фрегате «Неукротимый». Название, впрочем, больше подходило мне, чем этому старому корыту. В разгар шторма, когда волны были выше самомнения французского короля, мы налетели на скрытый риф.

Раздался треск, похожий на звук лопающегося корсета после званого обеда. В днище образовалась пробоина величинной с приличный обеденный стол! Трюм начал стремительно заполняться водой, а матросы – паникой. Капитан, статный мужчина с бородой, пахнущей табаком и отчаянием, уже собирался отдать команду «покинуть судно».

– Глупости, капитан! – воскликнула я, пробираясь сквозь

толпу полуголых, промокших насквозь матросов (зрелище, признаться, было весьма недурственным, если бы не угроза немедленного утопления). – У меня есть план!

Я сорвала с головы свою новую шляпку – шедевр парижской моды из плотного фетра, украшенный полуметровым пером страуса и каскадом шелковых лент.

– Баронесса, это же просто аксессуар! – вскричал капитан.

– Это не аксессуар, это инженерная мысль! – отрезала я.

Я спустилась в трюм, где вода уже доходила мне до... хм, до тех мест, о которых приличные дамы вслух не упоминают. Пробоина была ужасна. Я прижала шляпку к дыре, но напор воды был слишком силен. Тогда я поняла: мне нужен рычаг и дополнительная герметизация.

Я попросила матросов подать мне... их ремни. Пятьдесят крепких кожаных ремней! Связав их в единую сеть, я прижала шляпку к пробое, а ленты от шляпки – те самые длинные шелковые ленты, что обычно кокетливо развевались у меня за спиной – я использовала как растяжки.

Но самое главное: чтобы закрыть мельчайшие щели, мне пришлось пожертвовать своим... подюбником. Шесть слов накрахмаленного кружева легли поверх шляпки, создав идеальную пробку. А чтобы все это держалось под давлением океана, я приказала капитану направить на меня самый мощный напор... воздуха из мехов, которыми раздували огонь на камбузе.

Под этим давлением кружева расправились, шляпка на-

мертво всосалась в пробойну, а я, стоя в одном лишь тонком шемизе, который от воды стал совершенно прозрачным (что, несомненно, вызвало у матросов небывалый прилив сил для работы у помп), удерживала эту конструкцию весом своего тела и силой своего негибачаемого характера.

– Качайте, мальчики, качайте! – подбадривала я их. И они качали так, как не качали никогда в жизни, не сводя с меня восторженных глаз.

Мы продержались три дня. Моя шляпка не пропустила ни капли! Когда мы наконец вошли в порт, шляпку пришлось вырубать топорами – так плотно она слилась с корпусом корабля.

Капитан в знак благодарности предложил мне свою руку, сердце и годовой запас рома. Я приняла только ром. Сами понимаете, шляпка погибла, а мне нужно было на что-то покупать новую.

*

О, мой дорогой читатель. Давай на мгновение оставим мои приключения, чтобы послушать историю о моей очаровательной родственнице, которая в искусстве захвата реальности не уступает самой Иерониме. Позволь представить тебе мою кузину по линии азартных интриг – еще одну безупречную Архитекторшу Небылиц, чья грация в мягких ботфортах способна переписать законы сословий быстрее, чем я шнурую свой парадный мундир.

Слушай же, как Кошка в сапожках (да, среди моих род-

ственников полно и животных, и богов, и других сущностей) превратила обычную охоту на кроликов в самую изысканную мистификацию!

ГЛАВА VII: О КОШКЕ В САПОЖКАХ, ЕЕ ГЕНИАЛЬНОЙ МИСТИФИКАЦИИ И ОТЖАТИИ НЕДВИЖИМОСТИ

Итак, старая сказка сбрасывает грубую шкуру и облачается в тончайшую лайку и шелк. Кошка в сапожках – это не просто зверь, ловящий кроликов. Это Мадемуазель Котт, чья грация способна заставить Людоеда не просто сдаться, а добровольно переписать на нее все имущество вместе с душой.

Эта мурлыкающая, хвостатая хитрюга однажды решила, что ее подопечный, бедный сын мельника, слишком красив, чтобы прозябать в пыли. Для этого она направилась к королю.

Когда Мадемуазель Котт переступила порог королевской опочивальни, шпоры на ее узких замшевых ботфортах звякнули с таким вызовом, что у стражников разом пересохло в горле.

Сапожки были выше колена, из мягчайшей кожи нубука, облегающей ее стройные задние лапки так плотно, что казались второй кожей. Она знала толк в длине: ровно столько, чтобы подчеркнуть изгиб бедра, и достаточно высоко, чтобы

скрыть... Впрочем, скрывать Мадемуазели Котт было нечего, кроме пары лишних мышей в дорожной сумке.

– Ваше Величество, – промурлыкала она, и этот звук был похож на виолончель, которую заставили съесть банку сливок.

Король, старый и слегка ошалевший от жары, судорожно поправил парик. Мадемуазель Котт медленно, с демонстративной ленцой, потянулась. Ее спинка выгнулась идеальной дугой, а хвост, пушистый и крайне нескромный, мазнул по подбородку монарха.

– Мой маркиз де Карабас прислал вам... подарок, – она сделала паузу, облизнув розовым язычком верхнюю губу. – Это перепела. Дикие. Страстные. Застигнутые врасплох в самой гуще... кустарника.

Она вывалила дичь на стол, но смотрела не на птиц, а прямо в глаза королю, сузив свои изумрудные вертикальные зрачки.

– Маркиз очень щедр, – добавила она, вкрадчиво сокращая дистанцию. – Он любит, когда все... натурально. И когда дичь, добытая в глубоком лесу, подается горячей.

Король нервно сглотнул. Он никогда не задумывался о том, что кошачьи ушки могут так заодно подрагивать, когда их обладательница говорит о «глубоком лесе».

– А сам маркиз... он?.. – заикнулся монарх.

– О, он сейчас принимает ванну в реке, – Мадемуазель Котт игриво поправила широкополую шляпу с пером, кото-

рое кокетливо щекотало ее собственное ухо. – Он совершенно... не защищен. Беззащитен, я бы сказала. Ни одной нитки на теле, только вода и его... репутация.

Она грациозно развернулась на каблуках, заставив кожу сапожек искусно скрипнуть. На выходе она обернулась и подмигнула капитану гвардии, который все это время забывал дышать.

– Кстати, капитан, – бросила она через плечо, – у вас шпага висит... криво. Люблю, когда инструмент в идеальном порядке.

И, вильнув бедрами так, что даже хвост на мгновение замер в немом восхищении, Кошка в сапожках исчезла, оставив после себя аромат мускуса, дорогой кожи и стойкое ощущение, что сказка только что перестала быть детской.

*

Капитан гвардии еще долго смотрел на закрытую дверь, судорожно поправляя свою «криво висящую» шпагу, пока король пытался сообразить, почему перепела на столе вдруг показались ему верхом неприличия.

А Мадемуазель Котт уже летела по лесной тропе. Сапожки мягко пружинили, обнимая икры, а короткая накидка на одном плече обнажала при каждом прыжке золотистую шерстку. Она знала: ее «маркиз» – деревенский парень с глазами побитой собаки и торсом античного бога – уже сидит в кустах у реки, прикрываясь лопухом.

Выскочив на берег, она затормозила, подняв облако пыли.

– Снимай лопух, Ганс, – скомандовала она, поправляя шляпу. – Карета будет здесь через пять минут.

– Но я же... я же совсем голый! – простонал юноша, вжимаясь в берег.

– Именно, – Мадемуазель Котт медленно подошла к нему, цокая каблуками по прибрежным камням. Она наклонилась так низко, что кончик ее хвоста щекотно прошелся по его плечу. – Ты должен выглядеть как жертва... обстоятельств. Несчастный, ограбленный дворянин, у которого украли все, кроме его... достоинства.

Она окинула его взглядом с ног до головы, задержавшись чуть дольше положенного на капельках воды, стекающих по его прессу.

– Знаешь, – промурлыкала она, запуская коготок в его спутанные волосы, – если бы я не была так занята твоей карьерой, я бы сама провела обыск на предмет скрытых ценностей. Но король везет свою дочь, а у принцессы аппетит на таких, как ты, острее, чем мои когти.

Вдали послышался грохот колес. Мадемуазель Котт мгновенно преобразилась: она взъерошила свою безупречную шерстку, придавая себе вид «крайней обеспокоенности», и набрала в легкие воздуха.

– Помогите! Грабят! – закричала она голосом искушенной сирены, призывно выгибаясь на обочине дороги. – Маркиз де Карабас тонет! То есть, раздевается! То есть... О, вы сами все увидите!

Когда карета остановилась, и принцесса выглянула в окно, Мадемуазель Котт уже стояла в позе триумфатора. Она видела, как расширились зрачки наследницы престола при виде «маркиза», пытающегося прикрыться кувшинкой.

– Ну что, Ваше Высочество, – прошептала кошка, грациозно поглаживая голенище своего сапожка, – мой хозяин сейчас в самой лучшей своей комплектации. Без лишних деталей. Хотите примерить его... статус?

Принцесса лишь часто задышала, а Мадемуазель Котт, довольно шурясь на солнце, поняла: замок Людоеда им уже практически гарантирован. А уж как она уговорит великана превратиться в мышку... скажем так, у нее в арсенале были приемы, против которых не устоял бы и дракон, не то что какой-то переросший любитель человечины.

Она поправила подвязку, хитро подмигнула зрителю и скрылась в густой траве, оставив за собой лишь тихий, довольный смешок и ритмичный скрип элитной кожи.

*

Штурм замка Людоеда Мадемуазель Котт планировала не как военную операцию, а как свидание, на которое противник забыл одеться подобающе.

Замок встретил ее мрачными сводами и запахом сырого мяса, но кошка даже не поморщилась. Напротив, она прибавила бедрам такой амплитуды, что шпоры на ее сапожках вызвали ритм танго. Людоед – гора мышц и дурных манер – восседал за столом, обглаживая бычью ногу.

– Ты кто такая? – пробасил он, и от его голоса задрожали люстры. – Закуска?

Мадемуазель Котт неспешно подошла к столу и, вопреки всякому этикету, вскочила на него. Ее ботфорты со скрипом прошлись по дубовой столешнице, остановившись в паре сантиметров от тарелки гиганта. Она медленно присела, обхватив колено лапкой в черной перчатке.

– Я? Я – твоя последняя фантазия, дорогуша, – промурлыкала она, склонив голову так, что перо на шляпе коснулось носа Людоеда. – Слышала, ты умеешь превращаться в кого угодно. Но, честно говоря, глядя на этот... фасад, я сомневаюсь, что в тебе есть хоть капля изящества.

Людоед взревел от обиды и в мгновение ока превратился в огромного льва. Мадемуазель Котт даже не моргнула. Она лишь лениво зевнула, демонстрируя острые зубки.

– Большой и шумный? Предсказуемо, – вздохнула она, поправляя подвязку на бедре. – Любой дурак может быть большим. Но стать крошечным, юрким, таким... проникающим в самые узкие щели... Для этого нужен настоящий талант. Спорим, ты не сможешь стать маленькой, безобидной мышкой? Такой, которую хочется... поймать.

Гигант, ослепленный желанием доказать свое превосходство этой дерзкой кошке, совершил свою последнюю ошибку. Пространство схлопнулось, и на столе, прямо между ее сапожек, оказалась перепуганная полевая мышь.

Мадемуазель Котт не стала ждать. Один молниеносный

бросок, короткий хруст – и замок официально сменил владельца.

Когда через час карета короля подкатила к воротам, Мадемуазель Котт встречала гостей на широкой лестнице. Она стояла, опершись на эфес изящной шпаги, а ее хвост торжествующе обнимал голенище сапожка.

– Добро пожаловать в резиденцию маркиза де Карабаса! – объявила она, кланяясь так низко, что король снова забыл, как дышать.

Принцесса, вцепившись в руку Ганса (который теперь был облачен в бархат, скрывавший его «достоинства», но подчеркивавший все остальное), сияла. Ганс же смотрел на Мадемуазель Котт с немым ужасом и обожанием.

Вечером, когда пир был в самом разгаре, Мадемуазель Котт вышла на балкон, подальше от шума. Она сняла шляпу, поставив ушки ночному бризу, и начала медленно расшнуровывать один из сапожков.

– Тяжелый день? – раздался сзади хриплый голос капитана гвардии. Он стоял в тени, и его взгляд был прикован к ее обнажающейся лодыжке.

Мадемуазель Котт обернулась, лукаво сузив глаза. Она вытянула лапку, позволяя сапожку слегка соскользнуть, и поманила капитана пальчиком в перчатке.

– Капитан, я же говорила... – шепнула она, и в ее глазах вспыхнул опасный огонек. – Я просто обожаю, когда инструмент в идеальном порядке. Проверим вашу выправку?

В ту ночь в замке маркиза де Карабаса спали все, кроме капитана гвардии и одной очень предприимчивой кошки, которая доказала: чтобы покорить мир, женщине нужны всего две вещи – острый ум и пара чертовски хороших сапожек.

*

Это снова я, твоя любимая баронесса Мюнхгаузен. Хочешь узнать, как позже, в Петербурге, я выиграла дуэль у самого заносчивого поручика, используя вместо шпаги обычный веер и знание анатомии мужского восторга?

ГЛАВА VIII: О ДУЭЛИ НА ВЕЕРАХ, ПОРУЧИКЕ РЖЕВСКОМ-МЛАДШЕМ И О ТОМ, КАК ОПАСНО ДРАЗНИТЬ БАРОНЕССУ

О, мой искушенный слушатель, ты так подался вперед, что я почти слышу стук твоего сердца! Что ж, перенесемся в заснеженный Петербург, где страсти кипят похлеще, чем в турецкой бане, а морозы лишь раззадоривают кровь.

В ту зиму в Петербурге только и говорили, что о поручике Голицыне – человеке исключительной красоты и столь же исключительной наглости. Он заявлял на каждом балу, что ни одна крепость, будь она каменная или из плоти и кружев, не устоит перед его натиском.

На приеме у графини П. он имел неосторожность заявить при всех, что женщины – существа слабые и созданы лишь для того, чтобы украшать интерьер и вздыхать при виде эпосов.

– Сударь, – сказала я, небрежно обмахиваясь своим веером из черного кружева на костяных пластинах, – ваша самоуверенность так велика, что странно, как вы вообще про-

ходите в дверные проемы. Я вызываю вас на дуэль!

Смех затих. Поручик побледнел, потом покраснел:

– На шпагах, баронесса? Или, может быть, на поцелуях?

– Оставим поцелуи для тех, кто не умеет пользоваться умом, – парировала я. – Завтра на рассвете, в Летнем саду. Оружие – веера.

Утром под заиндепевшими липами мы встали друг против друга. Его секунданты хихикали, а мой – верный старый полковник – лишь многозначительно подкручивал ус.

– Правила просты, – объявила я. – Кто первым лишится самообладания и... хм, пуговицы на мундире, тот проиграл.

Поручик взмахнул своим веером (он позаимствовал его у тетушки), пытаясь изобразить нечто грозное. Я же начала свою партию. Веер в руках знающей женщины – это не предмет для охлаждения, это инструмент тончайшей хирургии.

Я делала выпады. Легкий щелчок – и поток ледяного воздуха ударил ему прямо в переносицу. Еще взмах – и край кружева, словно бритва, едва коснулся его шеи, заставив его сглотнуть. Я двигалась вокруг него, как кошка, создавая вокруг поручика настоящие вихри аромата моих духов («Ночной грех», 2030 года выпуска – я всегда опережаю моду на пару столетий).

Поручик начал задыхаться. Не от бега – я стояла почти на месте. Он задыхался от... предвкушения. С каждым моим взмахом веера я «случайно» демонстрировала ему то изгиб запястья, то щиколотку, то глубокое движение плеч, ко-

торое заставляло мой корсет предательски (или триумфально?) поскрипывать.

– Сдавайтесь, поручик, – прошептала я, резко захлопнув веер.

Звук был подобен выстрелу. От созданного мною вакуума и резкого перепада давления... верхняя пуговица на его тугом мундире не выдержала и с мелодичным звоном отлетела прямо к моим ногам. Поручик пошатнулся, его взгляд затуманился, и он опустился на колено, тяжело дыша.

– Вы... вы ведьма, баронесса, – выдохнул он, глядя на меня с таким обожанием, что мне стало почти жаль его.

– Нет, мой дорогой, – я подняла пуговицу и спрятала ее в своем декольте. – Я просто женщина, которая знает, как правильно пользоваться законами аэродинамики и мужским воображением.

Хотите узнать, как после этой дуэли мне пришлось бежать из Петербурга на Северный полюс, и почему белые медведи с тех пор носят такие густые шубы?

ГЛАВА IX: О ТОМ, КАК Я СОГРЕЛА АРКТИКУ, И О СЕКРЕТЕ ПОЛЯРНОГО СИЯНИЯ

О, я вижу, ты уже кутаешься в воображаемую шубу! Но поверь, на Северном полюсе мне было гораздо жарче, чем ты можешь себе представить.

После случая с поручиком в Петербурге стало слишком душно от мужского внимания. Я решила сменить климат на более радикальный и отправилась на поиски самой северной точки Земли. Моим транспортным средством на сей раз были сани, запряженные дюжиной дрессированных арктических зайцев – существ пугливых, но крайне прытких, если перед их носом повесить не морковку, а портрет симпатичной зайчихи.

Чем дальше на север, тем сильнее крепчал мороз. На самой верхушке мира лед был таким прозрачным, что сквозь него можно было видеть замерзшие сны древних китов. Мои зайцы в какой-то момент просто примерзли ушами друг к другу, образовав пушистый, но неподвижный ком.

Я осталась одна посреди бескрайней белизны. Термометр в моем ридикюле лопнул, не выдержав возмущения: ртуть предпочла превратиться в твердый шарик, лишь бы не изме-

рять этот холод.

– Ну уж нет, – сказала я, скидывая тяжелую парку. – Моя кровь – это не овсяный кисель, она течет по жилам, как расплавленный рубин!

Чтобы спастись от холода, мне пришлось пуститься в пляс. Но это не были обычные прыжки на месте – я выдала безумный микс из фламенко и восточных движений, которым когда-то научилась у одной изгнанной принцессы в Марокко. С каждым резким взмахом рук и поворотом бедер я чувствовала, как само пространство вокруг меня начинает дрожать.

От моих движений исходило столько жизненной и – чего уж греха таить – чисто эстетической силы, что лед под сапогами не просто потек, а вспыхнул изнутри. Шелковые юбки терлись о морозный воздух с таким остервенением, что я буквально превратилась в живую электростанцию. Мои рыжие волосы искрили так, будто я стояла в центре кузницы.

В этот момент из-за ледяной глыбы выплыл колоссальный белый медведь, величиной с карету. Он явно присматривал себе ужин, но, наткнувшись на мое шоу, остолбенел. Статика в воздухе была такой мощной, что его шерсть поднялась торчком, и грозный зверь стал похож на гигантский пушистый одуванчик.

Я не стала ждать нападения. Схватив ошарашенного хищника за огромные лапы, я втянула его в этот бешеный вихрь. Мы неслись в вальсе с такой скоростью, что наши очертания

слились в одно темное пятно. Стало жарко, как в июле. Вокруг нас за считанные секунды возник настоящий оазис: из снега пробились ледяные бутоны, а отогревшиеся зайцы начали миролюбиво чистить друг другу шерстку.

Кульминация наступила, когда внутренний жар переполнил меня через край. Из моей макушки в самое небо ударил ослепительный столб света, окрасивший купол мира в фиолетовый, золотой и изумрудный.

– Гляди, Миша, – прошептала я зверю, прислонившись к его горячему плечу. – Это и есть «эффект баронессы».

Вот так и родилось северное сияние. Во второй четверти XXI века профессора будут занудно рассуждать о частицах «солнечного ветра», но правда куда горячее: это всего лишь отблеск моей страсти, навсегда застывший в небесах.

К слову, медведь настолько проникся моими талантами, что дотащил мои чемоданы в зубах до самой границы Норвегии.

Хочешь послушать, как позже в Лондоне я превратила Биг-Бен в гигантские пальцы, чтобы вышить карту клада прямо на городском тумане?

ГЛАВА X: О ТОМ, КАК Я ВЫШИВАЛА ПО ВОЗДУХУ, И О ПОЛЬЗЕ БРИТАНСКОЙ ПУНКТУАЛЬНОСТИ

О, мой неутомимый слушатель! Твое внимание льстит мне больше, чем комплименты лорда-канцлера. Перенесем же в Лондон, город, где туман настолько густ, что его можно нарезать ломтиками и подавать к чаю вместо пудинга.

В тот год в Лондоне искали пропавшее золото тамплиеров. У меня была карта, но – какая досада! – я случайно пролила на нее флакон своих любимых духов с феромонами амазонской орхидеи. Чернила мгновенно испарились, смешавшись с ароматом и лондонской сыростью. Карта не исчезла, нет – она... спроецировалась прямо на знаменитый лондонский туман.

Но туман – субстанция капризная. Стоило подуть ветерку, и указание, где зарыт клад, могло улететь в сторону Вестминстера. Мне нужно было закрепить изображение.

– Мне нужны иголки! – воскликнула я. – Самые большие иголки в мире!

Я взглянула на Биг-Бен. Его стрелки, острые и величе-

ственные, идеально подходили для моей цели. Я пробралась в часовую башню. Механизм гудел, как рой рассерженных шмелей. Чтобы остановить время (а для настоящей женщины это обычное дело), я просто вставила свою кружевную подвязку между шестернями. Механизм охнул, заскрежетал и замер, сраженный нежностью шелка.

Я выбралась на циферблат. Высота была такая, что птицы пролетали под моими каблуками. Используя минутную стрелку как гигантскую иглу, а в качестве нити – те самые лучи света, что пробивались сквозь мглу (я слегка подкрасила их своей красной помадой для четкости), я начала «пришивать» карту к небесному полотну.

Работа требовала невероятной гибкости. Мне приходилось перекидывать ноги через римские цифры циферблата, выгибаться мостиком над бездной, чтобы достать до «отметки X». Мое платье, разумеется, зацепилось за цифру «VI», и мне пришлось... хм... немного освободиться от лишних слоев ткани, чтобы не сковывать движения.

Лондонцы внизу задирали головы. Они думали, что видят редкое атмосферное явление – розовое сияние на фоне часов. Но на самом деле они видели баронессу Мюнхгаузен в самом разгаре творческого экстаза!

Когда последний стежок был сделан, карта застыла в воздухе, сияя рубиновым светом. Я нашла золото в ту же ночь (оно было спрятано в подвале старой кондитерской, что весьма символично).

Но вот беда: когда я вынимала подвязку из механизма Биг-Бена, время рвануло вперед с такой силой, что в Лондоне за одну минуту наступил следующий четверг. Пять дней жизни горожан просто испарились! Женщины обнаружили, что их прически отросли, а мужчины – что их счета в барах загадочным образом увеличились.

Зато с тех пор Биг-Бен бьется с легким придыханием – совсем как сердце влюбленного юноши.

Хочешь узнать, как позже я случайно изобрела новый способ передвижения, используя только зонтик и сильный ветер?

ГЛАВА XI: О ТОМ, КАК Я ИЗОБРЕЛА «АЭРОГРАЦИЮ», И О КОВАРСТВЕ ЛОНДОНСКИХ СКВОЗНЯКОВ

Да, мой дорогой слушатель, накал страстей и высоты, на которые мы забрались, могут вскружить голову кому угодно, даже самой судьбе. Но баронесса Мюнхгаузен не привыкла останавливаться на полпути, особенно когда ветер так настойчиво зовет в дорогу.

После истории с часами Лондон стал для меня слишком тесен, а его жители – слишком пунктуальны (что неудивительно, учитывая мой вклад в их хронологию). Я стояла на крыше своего особняка, раздумывая, как бы побыстрее оказаться в Париже, ведь там как раз начиналась неделя моды, а у меня совершенно не было подходящих туфель для завтрака.

В этот момент небо над Темзой почернело, и налетел такой шквал, что статуи на набережной начали прикрываться щитами. Моя горничная в ужасе протянула мне мой прогулочный зонтик – изысканную вещь из черного атласа на спицах из китового уса.

– Не открывайте его, мадам! – кричала она. – Вас унесет! Унесет? Какое восхитительное слово!

Я раскрыла зонт. Раздался хлопок, похожий на выстрел шампанского. Поток воздуха подхватил меня с такой силой, что я едва успела покрепче перехватить кружевную ручку. Но я не просто летела – я... танцевала в потоке.

Я поняла, что, меняя наклон зонта и положение своих бедер, я могу управлять траекторией полета. Это была настоящая «аэрограция»! Если я вытягивала носок правой туфельки, меня несло на восток, если же я слегка приподнимала край юбки, создавая дополнительную парусность, скорость удваивалась.

Но возникла пикантная деталь: ветер был настолько беспардонен, что мои юбки жили своей собственной, весьма вольной жизнью. Я летела над Ла-Маншем, и рыбаки внизу, должно быть, решили, что на небе взошло сразу два полнолуния, причем оба в тончайшем шелковом обрамлении.

– Смотрите! – кричали они. – Это Мэри Поппинс!

– Ошибаетесь, – бросила я им, паря где-то под облаками.

– Я ее кузина – баронесса Мюнхгаузен, и я чертовски опаздываю на примерку!

Чтобы прибавить ходу, я решилась на отчаянный маневр: принялась на лету распускать шнуровку корсета. Стоило освободить пару дюймов, как легкие вдохнули полной грудью, а встречный поток воздуха подхватил меня с такой мощностью, что я вмиг обошла стаю перелетных ласточек. Бедные

птицы так засмотрелись на мои манипуляции с бельем, что чуть не пересчитали клювами прибрежные скалы Дувра.

Приземление случилось аккуратно в центре Вандомской площади. Я мягко спружинила... впрочем, пикантные детали моего касания с землей побережем для мемуаров под грифом «строго конфиденциально». Зонт, конечно, превратился в бесполезный вывернутый скелет, зато я фактически открыла метод перемещения, который в будущем назовут «парапланеризмом». Хотя, признаться честно, им ни за что не добиться моей грации.

Желаешь услышать, как в Париже я разогнала тоску на королевском балу? Как мне удалось превратить обычный фонтан в каскад живого золота, используя лишь один дерзкий взгляд и каплю эссенции желания?

ГЛАВА XII: О МАГИИ СТРАСТИ, БЛЕСКЕ ВЕРСАЛЯ И ЗОЛОТЕ КАК ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОМ ДИАГНОЗЕ

Послушай, мой дорогой искатель истин! Париж второй четверти XXI века, безусловно, мил, но тот город, что застала я в зените своей славы... О, он был по-настоящему пороховым погребом. Садись ближе и слушай, как именно я научила французский двор искусству подлинного сияния.

В тот вечер Его Величество пребывал в сквернейшем настроении. Бал в Версале больше походил на слет сонных мух: дамы прятали зевки за кружевом вееров, кавалеры с постными лицами бубнили о курсе ливра. Даже «Аполлон» – гордость парка – лишь тоскливо пускал пузыри, будто сам фонтан внезапно охватила тяжелая меланхолия.

– Скука – это единственное преступление, которому нет прощения, – бросила я в пустоту, поправляя вырез своего платья. Декольте, к слову, было настолько дерзким, что местный астроном всерьез перепутал мои плечи с парой доселе неизвестных планет.

Я замерла у края бассейна. Вода казалась мертвой, темной

и пугающе холодной. У меня в сумочке был крошечный флакон «Эссенции желания» – концентрат, который я дистиллировала из лепестков роз, собранных на рассвете в саду у влюбленного султана. Но просто вылить его было бы слишком просто.

Я коснулась воды кончиком пальца, пуская круги, и начала... петь. Нет, не арию, а томную, жаркую мелодию, которую слышала в песках Сахары. Мой голос вибрировал, проникая в самые глубины водопровода. Я чувствовала, как вода под моими ногами начинает нагреваться.

– Смотрите! – вскрикнула маркиза де П., выронив лорнет.

Вода в фонтане внезапно сменила цвет. Из бледной она стала насыщенно-медовой, а затем – ослепительно золотой. Струи взметнулись ввысь, превращаясь в жидкое золото, которое не обжигало, но дарило коже нежнейшее сияние.

Но самое интересное произошло, когда капли этого «золота» начали падать на гостей. Стоило капле коснуться обнаженного плеча дамы или щеки кавалера, как их глаза вспыхивали первобытным огнем. Скука испарилась! Оркестр, вдохновленный ароматом, разлившимся в воздухе, заиграл так неистово, что скрипки едва не загорелись.

Я стояла в самом центре этой золотой бури. Мое платье намокло, став абсолютно прозрачным, словно вторая кожа, и я светилась ярче всех люстр Версаля. Король, забыв о своей подагре, бросился ко мне, чтобы пригласить на танец.

– Баронесса, – выдохнул он, задыхаясь от восторга и

брызг, – это магия! Из чего сделан этот эликсир?

Бал превратился в настоящий праздник. Люди танцевали до утра, и говорят, что в ту ночь во Франции было зачато больше герцогов, чем за предыдущие десять лет.

Кстати, утром фонтан снова стал обычной водой. Но те, кто успел искупаться в моем «золоте», до конца дней сохранили странную привычку улыбаться во сне и пахнуть дикими розами.

*

О, мой искушенный читатель. Наступят времена, когда человечество официально признает, что воля к радости – это самая мощная сила во Вселенной. И никто не владеет ею виртуознее моей рыжеволосой кузины. Позволь отвлечь тебя от моих приключений (они от тебя никуда не денутся) и представить еще одну Повелительницу Оказий, чье «Хочу!» способно менять ландшафты и плавить металлы.

Слушай же историю о Великой Хочухе, для которой каприз – это не слабость, а самый эффективный инструмент захвата мужских сердец и королевских площадей!

ГЛАВА XIII: О ВЕЛИКОЙ ХОЧУХЕ, САМОМ ЖЕЛАННОМ МУЖЧИНЕ И ПРИНЦЕ УДОВОЛЬСТВИЙ

В одном маленьком и почти сказочном королевстве жила молодая женщина с огненно-рыжими волосами. Имя свое она уже и не помнила, поскольку ее давно все привыкли называть Великой Хочухой. Вся округа знала ее как женщину с неутолимým желанием. Она всегда хотела чего-нибудь необычного, экзотического и, естественно, пикантного.

Просыпаясь, Хочуха начинала каждое утро с размышлений о том, чего бы ей сделать такого «хочуховского». Женщина могла часами наблюдать за прохожими с балкона и думать о том, чего бы (или кого бы) ей еще захотеть.

Однажды, вдохновленная утренним кофе и ласковыми лучами солнца, она решила организовать конкурс на звание «Самый Желанный Мужчина Королевства». Все жители собрались на площади, и Хочуха, облаченная в яркий наряд, улыбаясь, объявила правила:

– Все участники должны показать свои таланты, а я оценю их по шкале «хочу – не хочу»!

Сначала вышел королевский кузнец. Он стал ковать металл с таким жаром и страстностью, что даже летящие в стороны искры, казалось, танцевали. Великая Хочуха, завороченно глядя на его мускулистые руки, не могла сдержать эмоций.

– Хочу! – воскликнула женщина, и кузнец, обрадованный, продолжил работать с удвоенной энергией.

Следующим вышел придворный поэт, который прочел любовное стихотворение. Его слова были настолько сладкими, что у всех собравшихся заиграла музыка в ушах. Великая Хочуха, схватившись за сердце, кричала:

– Хочу! Хочу! Хочу!

И мужчина, вдохновленный ее реакцией, принялся зачитывать второе стихотворение, которое было еще слаще и откровеннее.

Но подлинная интрига началась с выходом на сцену придворного шута, а по совместительству – местного донжуана. Он, говорят, проникал даже в покои королевы. На нем были облегающие брюки и белоснежная рубашка, открывавшая его волосатую грудь. Он стал танцевать так страстно, что даже у Великой Хочухи началось головокружение.

– Хочуууууу! – закричала женщина, и толпа поддержала ее крик.

В этом крике слышалось не просто желание, а настоящая философия жизни. Великая Хочуха знала, что жить надо так, чтобы каждый день открывал тебе что-то интересное и но-

вое, будь то работа, поэзия или танцы.

Но на этом наша история не заканчивается.

*

Как-то Великая Хочуха прогуливалась по лесу и наткнулась на загадочный замок, про который ходили легенды. Судачили, что тут живет Принц Удовольствий, в чьих силах исполнять любые желания. Долго не раздумывая, женщина направилась туда, предчувствуя чудеса.

В замке ее встретил тот самый Принц – высокий, с игривым взглядом, обворожительной улыбкой и такой же рыжий, как сама Великая Хочуха.

– Что ты желаешь, моя дорогая? – поинтересовался он, подмигивая.

– Я хочу... – начала гостя, но тут же запнулась, поскольку в ее голове роились тысячи противоречивых мыслей о том, что же конкретно она хочет.

Принц, увидев ее замешательство, сказал:

– Может, поиграем в игру? Я задумаю желание, а ты попытаешься его угадать.

Хочуха без долгих раздумий согласилась:

– Да, я готова!

Принц задумал желание, и женщина начала гадать.

– Это что-нибудь сладкое? – спросила Великая Хочуха.

– Нет, – ответил он, подмигивая.

– Это нечто такое, что возможно обнять? – продолжала она.

– Очень близко, – усмехнулся мужчина.

Игра продолжалась, и женщина с каждым вопросом увлекалась все сильнее. Вскоре она осознала, что ее «хотения» становятся все откровеннее.

– Это нечто, что можно поцеловать? – задала вопрос Великая Хочуха, и Принц, смеясь, сказал:

– Да. И не только!

В итоге наша героиня поняла, что ее настоящее желание – это не простые приключения, а сам этот Принц Удовольствий. Она хочет быть с ним и наслаждаться каждым мгновением. Великая Хочуха подошла к нему вплотную и, улыbnувшись, произнесла:

– Я хочу, чтобы ты был частью моего приключения.

Мужчина рассмеялся и ответил:

– Ладно, пусть будет так! Но помни, что в этом приключении нас ждет много романтики и неожиданностей!

И с того дня Принц Удовольствий и Великая Хочуха стали неразлучны. Она поселилась в его замке и нарожала ему много маленьких хочучиков. Смех и радость детей были слышны по всей округе. Они всегда находились в центре внимания, их глаза блестели, а губы в любой момент готовы были произнести: «дай», «мое» и, конечно, «хочу».

*

Это опять, твоя удивительная баронесса Мюнхгаузен. Хочешь узнать, как после того бала близ Парижа я оказалась в плену у пиратов Средиземноморья и как мой корсет

стал причиной самого массового кораблекрушения в истории флибустьеров?

ГЛАВА XIV: О КРУШЕНИИ ПИРАТСКОЙ АРМАДЫ ИЗ-ЗА ОДНОЙ ДЕТАЛИ ГАРДЕРОБА И О ТОМ, К ЧЕМУ ПРИВОДИТ ПРАЗДНОЕ ЛЮБОПЫТСТВО

Вижу-вижу, как твои глаза загорелись, словно золото в трюме призрачного судна! Однако признаюсь: эти морские волки оказались совершенно не готовы к randevu со мной. Куда проще им было бы выстоять против залпа королевской эскадры.

После того утомительного версальского приема я грезилась лишь об исцеляющей прохладе океанского бриза. Но судьба распорядилась иначе: мой бриг приметил «Черный корсар». Его капитан слыл воплощением ярости, хотя, на мой вкус, его свирепость меркла на фоне совершенно чудовищного выбора шейных платков.

Меня доставили на борт флагмана. Воздух там был пропитан гремучей смесью дешевого рома, гари и запаха людей, не знавших мыла неделями. Главарь, вперив взор в мой дорожный корсет из алого атласа, укрепленный китовым усом, грубо хохотнул:

– Выкладывая побрякушки, милашка!

– Боюсь, мои сокровища скрыты слишком надежно, – отрезала я, выпрямившись так, что шнуровка на спине зазвенела, точно перетянутая струна. – И сомневаюсь, капитан, что в вашем сердце найдется достаточно отваги, чтобы до них дотянуться.

Взбешенный такой дерзостью, разбойник велел запереть меня под замок. Глупец. Он и не догадывался, что мой наряд был не просто прихотью портного, а настоящим триумфом инженерной мысли. В каждое «ребро» этого изделия был вмонтирован секрет, созданный мною в паре с одним часовщиком-изгнанником.

Поздней ночью, когда под полом моей каюты началось пьяное буйство, я поняла: момент настал. Я принялась дышать – глубоко и размеренно. С каждым вдохом скрытые пружины внутри атласа впитывали кинетическую энергию моего возмущения. Ткань натянулась до звона, и я ощутила, как стальные пластины начали входить в резонанс с самой обшивкой судна.

Я пустилась в свой «пляс резонанса». Каждое покачивание бедер отзывалось гулом в самой глубине киля, заставляя палубу ходить ходуном. Внизу, в трюмах, пираты в панике крестились, думая, что налетел шторм, хотя за бортом море застыло неподвижным зеркалом – гладким, как в моей опочивальне.

– Совсем чуть-чуть... – выдохнула я, набирая полную

грудь воздуха.

И тут грохнуло. Во второй четверти XXI века этот звук называли бы ультразвуковым ударом. Моя шнуровка не выдержала: пуговицы и крючки брызнули в разные стороны, словно свинцовая дробь. Они с такой мощью прошли дубовую дверь, что стоявший за ней вахтенный рухнул замертво. Но это были мелочи. Вибрация достигла пика – и корпус «Черного корсара» просто треснул, не выдержав такого... накала страсти. Корабль буквально разошелся по швам.

Грозное судно исчезло в пучине за считанные минуты. Пока флибустьеры в ужасе барахтались в воде, я, превратив свои необъятные юбки в подобие спасательного плота, величественно устроилась на обломке мачты. Весь их флот, шедший следом, затянуло в воронку от моего «эффекта корсета» – корабли бились друг о друга как щепки.

На рассвете Средиземное море напоминало свалку из досок и обалдевших пиратов. Меня же подобрал венецианский торговец. Бедный капитан, увидев даму на обломках в одном лишь... скажем так, весьма «свободном» корсете, едва не посадил судно на рифы.

– Баронесса! Боже правый, что с вами случилось? – вскричал он, протягивая руку.

– Сущие пустяки, дорогой капитан, – я слегка поправила растрепанные кудри. – Всего лишь легкий перепад атмосферного давления на хрупкие мужские умы.

Хочешь продолжения? Расскажу, как в Венеции я спасла

город от потопа, заткнув дамбу своими запасными панталонами, и почему местные гондольеры до сих пор поют такие заунывные песни.

ГЛАВА XV: О ВЕЛИКОЙ ДАМБЕ ИЗ КРУЖЕВ И О ТОМ, ПОЧЕМУ АДРИАТИКА ПОКРАСНЕЛА

О, Венеция! Город, где сырость борется с роскошью, а маски скрывают лица, но никогда – истинные намерения. Поверь, мой друг, гондольеры плачут не от красоты заката, а от воспоминаний о том дне, когда баронесса Мюнхгаузен решила взять управление стихией в свои руки... или, вернее, в другие части гардероба.

В ту осень «высокая вода» в Венеции превзошла все ожидания. Площадь Сан-Марко превратилась в суповую тарелку, а в соборе Святого Марка рыбы начали обживать алтари. Дождь лил такой, будто небеса решили устроить генеральную стирку всему человечеству.

Я остановилась в палаццо у одного престарелого дожа, чьи колени скрипели громче, чем полы в его старом доме. Вода подступала к моей спальне, угрожая моим бесценным шелковым туфелькам.

– Мадам, мы погибли! – причитал дож, пытаясь спасти коллекцию антикварных ложек. – Море заберет нас!

– Вздор! – воскликнула я, решительно направляясь к своему дорожному сундуку. – Море просто хочет внимания, как

и любой мужчина. И я знаю, как его отвлечь.

В моем сундуке хранились «пantalоны особого назначения» – подарок одной немецкой герцогини, которая страдала от избытка ткани в гардеробе и недостатка приключений в спальне. Это были поистине монументальные pantalоны: тридцать метров тончайшего голландского полотна, отороченного фламандским кружевом такой плотности, что сквозь него не мог пробиться даже самый настойчивый взгляд, не то что вода.

Я вышла на балкон с видом на Большой канал. Вода редела вниз. Я привязала одну штанину к колонне палатца, а вторую... вторую я наполнила воздухом, создав гигантский парус.

Затем, используя свой врожденный талант к балансированию (отточенный во время танцев на столах в Вене), я спрыгнула прямо в центр этого белоснежного облака. Pantalоны раздулись, превратившись в огромный понтон!

Я начала маневрировать по каналам. Где вода прорывалась в переулки, я «выбрасывала десант»: отрезала по кусочку кружева и затыкала ими щели в дверях. Но главной задачей было перекрыть вход в лагуну.

Я растянула свои исполинские pantalоны между двумя церквями у входа в канал. Шелк намок и стал тяжелым, как гранит, но кружево работало как идеальный фильтр: оно пропускало воду по капле, превращая яростный шторм в безобидный фонтанчик.

Чтобы удержать эту конструкцию, мне пришлось сесть сверху на перемычку этой импровизированной дамбы. Представь картину: бушующая Адриатика, брызги, молнии... и баронесса Мюнхгаузен, восседающая на гигантских кружевных панталонах, словно на троне из пены. Мои бедра работали как гидравлические прессы, удерживая натяжение полотна.

От трения шелка о мои разгоряченные ноги и ярости волн вода вокруг дамбы начала светиться розовым (мои панталоны были подбиты алой подкладкой, которая в таких условиях начала линять). Венецианцы, высыпавшие на балконы, замерли: им казалось, что сама Венера вышла из пены, прихватив с собой весь запас элитного белья Европы.

Город был спасен! Утром вода ушла, оставив на стенах домов тонкий слой кружевной пыли и аромат моего цветочного мыла. Дож был так впечатлен, что предложил мне титул «Почетной Русалки Венеции», но я отказалась – чешуя так полнит!

А гондольеры... О, с тех пор они поют свои песни так протяжно, потому что каждый из них мечтает, чтобы на его гондолу когда-нибудь упал хотя бы клочок того легендарного кружева.

Хочешь узнать, как в Гималаях я научила монахов левитации, используя лишь силу желания и пару очень тесных сандалий?

ГЛАВА XVI: О ЛЕВИТАЦИИ В ТУГИХ САНДАЛИЯХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ У МОНАХОВ ЗАПЕЛИ КОЛОКОЛЬЧИКИ

О, мой неутомимый искатель истин! Вижу, ты уже затаил дыхание. Что ж, оставим влажную Венецию и перенесемся туда, где воздух так разрежен, что каждая мысль становится весомой, а каждое желание – осязаемым. В Гималаи!

В Тибет я отправилась не за просветлением – у меня его и так в избытке, – а за редким сортом горного чая, который, поговаривали, заставляет сердце биться в ритме страстного танго. Путь был тернист. Мои верные слуги отстали еще у подножия, не вынеся созерцания моих щиколоток на фоне вечных снегов.

Я прибыла в монастырь «Сияющей Пустоты» в паре сандалий, которые купила у подножия. О, это были коварные сандалиии! Сделанные из кожи горного козла, они были на два размера меньше, чем требовала природа, и так нещадно сжимали мои ступни, что каждый шаг превращался в акт высокого страдания и не менее высокого наслаждения.

Монахи встретили меня молчанием. Они сидели в позе

лотоса, пытаясь оторваться от земли силой духа. Но их дух был тяжел, как вчерашняя овсянка.

– Почтенные, – сказала я, с трудом сдерживая стон от того, как кожаный ремешок впился в мою стопу, – вы ищете легкости в небесах, забывая о жаре в крови!

Я встала в центре зала. Давление в сандалиях достигло критической отметки. Моя нервная система, перегруженная этим... хм... тесным контактом, начала генерировать невероятный объем внутренней энергии. Я чувствовала, как внутри меня рождается невидимый вихрь.

Чтобы отвлечься от боли, я начала концентрироваться на самом приятном воспоминании – о том капитане из Венеции. Мои щеки вспыхнули, дыхание стало прерывистым, а корсет начал опасно приподниматься. И тут случилось чудо.

Вместо того чтобы сделать шаг, я... всплыла.

Да-да! Сила моего желания освободиться от этих восхитительно мучительных сандалий была столь велика, что гравитация просто сдалась. Я медленно поднялась к самому своду храма. Мои юбки расправились, как лепестки лотоса, а распущенные рыжие волосы заструились вверх, притягиваемые электричеством момента.

Монахи открыли глаза. Такого «просветления» они не видели за все тысячи лет существования монастыря. Глядя на меня снизу вверх (а ракурс, смею вас заверить, был весьма вдохновляющим), они внезапно поняли секрет левитации.

– О-о-ом... – выдохнул верховный лама, и его тело тоже

начало отрываться от циновки.

Оказалось, что для полета не нужно медитировать на пустоту. Нужно медитировать на полноту жизни! Весь монастырь заполнился парящими мужчинами в шафрановых одеждах. Они летали вокруг меня, словно восторженные шмели вокруг экзотического цветка.

Мы кружились под куполом три часа. Температура в храме поднялась так сильно, что лед на вершине горы начал таять, и окрестные деревни решили, что наступило лето. В конце концов, я одним изящным движением сбросила свои тесные сандалии. Они упали, и как только мои босые ножки коснулись пола, левитация прекратилась – но не восторг в глазах монахов.

Они подарили мне тот самый чай и назвали «Летающей Богиней Узкой Обuvi».

ГЛАВА XVII: О ТОМ, КАК Я ОСЕДЛАЛА СМЕРЧ В КАНЗАСЕ И ПОЧЕМУ КОРОВЫ СТАЛИ ДАВАТЬ СГУЩЕНКУ

О, мой верный спутник в этих мемуарных странствиях! Вижу, ты уже потянулся за чашкой чая, надеясь на покой, но в жизни баронессы Мюнхгаузен покой – это лишь пауза перед очередным головокружительным пике.

Судьба занесла меня в дикие прерии Нового Света. Я искала там особый вид кактуса, чей сок, по слухам, превращает любую кожу в атлас, к которому хочется прикасаться вечно. Но Канзас встретил меня не цветами, а небом оттенка переспелой сливы.

Воздух замер, как кавалер перед решающим «да», а затем вдали закрутилась гигантская воронка. Смерч! Все бросились в погреба, но баронесса Мюнхгаузен не для того затягивала талию до шестнадцати дюймов, чтобы прятаться под землей вместе с картофелем и перепуганными фермерами.

– Ветер! – воскликнула я, распахивая объятия навстречу ревущему хаосу. – Покажи, на что ты способен, если встретишь настоящую женщину!

Когда воронка приблизилась, я не побежала. Я подпрыгнула, поймав восходящий поток своими многослойными нижними юбками из накрахмаленного муслина. Меня подхватило и закрутило с такой скоростью, что мои мысли превратились в искры.

Это было божественно! Я оказалась в самом «оке» бури – там, где царит странная, звенящая тишина и бешеное давление. Внутри смерча летали обломки заборов, чьи-то шляпы и... коровы. Бедные животные вращались вокруг меня с видом крайне озадаченным.

Чтобы удержать равновесие, я ухватила за рога одной особенно статной буренки.

– Держись, милочка, – прошептала я ей в ухо, – сейчас мы покажем этой стихии, что такое настоящая аэродинамика!

Я начала использовать свои ноги как рули высоты, а вращение бедер позволило мне войти в идеальный резонанс с вихрем. От трения моего шелкового белья о плотный воздух воронки внутри смерча возник эффект «микроволновой страсти». Воздух нагрелся до температуры парного молока.

Коровы, вращавшиеся вокруг меня, начали испытывать... хм... крайнюю степень центробежного восторга. От этого невероятного взбалтывания и тепла их молоко прямо в вымени превратилось в густейшую, сладчайшую сгущенку!

Когда смерч наконец выдохся и аккуратно опустил меня (и коров) на луг в соседнем штате, местные жители были потрясены. Я стояла посреди поля, слегка растрепанная, в пла-

тье, которое от ветра стало короче на целую ладонь, а вокруг стояли коровы и преспокойно жевали траву, выдавая вместо обычного молока готовый десерт.

Фермеры тут же провозгласили меня «Королевой Циклонов», а один молодой ковбой так долго смотрел на мои открывшиеся в полете коленки, что у него расплавились шпоры на сапогах.

– Это было... освежающе, – сказала я, принимая бокал свежесжатой сгущенки.

Хочешь узнать, как в Испании я уладила самого яростного быка на корриде, используя лишь свой алый чулок и один очень многозначительный взгляд?

ГЛАВА XVIII: ОБ ИСПАНСКОЙ КРОВИ, ШЕЛКОВОМ КАПКАНЕ И МАДРИДСКОЙ БЕССОННИЦЕ

Поверь на слово, друг мой: жажда странствий не терпит промедлений. А уж баронесса Мюнхгаузен слов на ветер не бросает – если только этот ветер не обещает свидание с обжигающим солнцем Кастилии.

И вот передо мной Мадрид! Место, где мостовые плавают от зноя, а мужские взоры – от одного лишь шороха моих юбок. Судьба забросила меня напрямик в ложу почетных гостей на главной арене города. Однако увиденное навевало лишь скуку: колоссальный бык Эль Диабло так неистовствовал, что хваленые торeadоры в ужасе врассыпную бросались прочь, роняя шпаги и остатки своей чести.

– Какой моветон, – прошептала я, чувствуя, как китовый ус корсета впирается в кожу. – Подобный зверь требует не грубого железа, а изысканного обхождения.

Когда я встала, трибуны буквально задохнулись от моей дерзости. На мне было нежнейшее белое кружево, но я-то знала, что припасен козырь. Секундное движение, скрытое пышным подолом – и в руках моих оказался правый чулок. Тончайший шелк оттенка алого вина, еще хранивший тепло

моего тела.

Я ступила на песок. Бык замер, словно пораженный громом. Он ожидал увидеть шпагу, но увидел женщину, в чьих руках трепетал алый шелк.

— Ну же, мой грозный друг, — прошептала я, делая шаг навстречу. — Неужели тебя испугает кусочек ткани?

Эль Диабло взревел и бросился в атаку. Но я не сдвинулась с места. В последний момент я сделала грациозный пируэт, и мой чулок проскользнул прямо перед его глазами. Бык, сбитый с толку, замедлил шаг.

Я начала свой «танец с чулком». Это была не коррида, это было представление ловкости и бесстрашия. Я взмахивала алым шелком, то приближая его к морде зверя, то игриво пряча за спиной. Бык был заморожен. Он следовал за каждым изгибом моего тела, за каждым движением тонкой ткани.

Публика неистовствовала от удивления и восторга. Король Испании выронил корону, а королева забыла закрыть рот. С каждым моим движением становилось ясно, что не сила, а смекалка и отвага побеждают дикую мощь.

В финале я подошла к быку вплотную. Он тяжело дышал, из его ноздрей шел пар, но ярость в его глазах уступила место изумлению. Я набросила свой алый чулок ему на рога и... легко поцеловала его в самый лоб. Огромный зверь, гроза пастбищ, внезапно... затих. Он опустился на колени у моих ног, кроткий, как ягненок в мае.

Я вернулась на трибуны под оглушительный рев восторга. В ту ночь в Мадриде только и говорили о баронессе, усмирившей самого свирепого быка одним лишь чулком.

— Помните, господа, — сказала я королю, принимая от него ключ от города, — даже самый дикий зверь сдастся, если предложить ему не грубую силу, а ум и бесстрашие.

*

О, мой дорогой читатель, готовься к вертикальному взлету, ведь даже обычные стокгольмские крыши могут стать стартовыми площадками для самого головокружительного восторга!

Давай на миг позабудем о моих невероятных приключениях и обратим взор к небесам, где парит моя самая легкая на подъем родственница — еще одна безупречная Нарушительница Скуки, чей пропеллер заводится исключительно от искр взаимного интереса.

Слушай же историю о рыжей Карлсонелле, женщине в самом расцвете сил и оборотов, которая доказала, что для настоящего полета не нужны билеты, а достаточно лишь капельки варенья и готовности пошалить на высоте, от которой захватывает дух!

ГЛАВА XIX: О КАРЛСОНЕЛЛЕ, ПОВЗРОСЛЕВШЕМ МАЛЫШЕ И ПОЛЕТАХ НАД КРЫШАМИ

Карлсонелла была не просто дамой с приятными округлостями и в самом расцвете сил, а женщиной с моторчиком. Благодаря этому моторчику она летала в своих ярких платьях и сводила всех мужчин с ума. Среди них она была известна как «Карлсонелла, от которой сносит крышу».

Каждое утро она взлетала в небо, расправляя рыжие волосы, словно они были крыльями. Особенно Карлсонелла любила кружить перед окном Малыша. Молодой человек восхищенно смотрел на нее, не отрывая глаз. Малыш давно стал ее тайным поклонником и всегда с нетерпением дожидался ее возвращения с небес.

Как-то Карлсонелла приземлилась на балкон Малыша и обратила внимание, что тот смотрит на нее с особенным блеском в глазах.

Карлсонелла игриво улыбнулась и спросила, поправляя платье в клеточку:

– Что, Малыш, я вижу, ты скучал! Как насчет того, чтобы немного пошалить?

Парень, покраснев, лишь кивнул. А летающая женщина

продолжила флиртовать.

– Знаешь, Малыш, мой моторчик способен разогнаться до огромной скорости. Но я предпочитаю летать помедленнее, когда рядом ты, – сказала она, строя глазки.

Малыш почувствовал еще большее волнение и признался.

– А я всегда готов полетать, особенно с такой пилоткой, как ты!

Карлсонелла засмеялась, отчего у нее появились прелестные ямочки на щеках. Она взяла его за руку и сказала:

– Хочешь прокатиться на мне верхом? Обещаю, будет захватывающе!

Малыш едва поверил своему неожиданному счастью. Он, конечно, согласился.

– А уроки ты все сделал? – вдруг спохватилась Карлсонелла.

– Какие еще уроки? – обиделся Малыш. – Я уже взрослый, в рот мне пропеллер!

Парочка взмыла в небо, смеясь и радуясь.

В воздухе Карлсонелла ловко маневрировала, а парень постоянно издавал восторженные возгласы.

– Ты знаешь, Малыш, что я могу вытворять со своим моторчиком? – кокетливо спросила она, и в ту же секунду они резко повернули. Это заставило Малыша вплотную прижаться к ней. Парень почувствовал тепло ее округлостей и не удержался от улыбки.

– Когда ты рядом, я ощущаю себя на крыше мира! – при-

знался он.

Женщина, смеясь, сказала:

– Ну что ж, давай почаще летать вдвоем, чтобы ты всегда помнил, как это замечательно!

Когда солнце уже заходило, они сидели на крыше, рассказывая друг другу секреты и мечты. Карлсонелла, обняв Малыша, негромко произнесла:

– Знаешь, порой я мечтаю, чтобы мы вдвоем улетели куда-то далеко-далеко, чтобы нас никто не нашел...

Малыш, посмотрев в ее глаза, осознал, что это нечто большее, чем просто игра. И, возможно, крыша является не только местом для шалостей, но и для чувств, которые могут перерасти в нечто удивительное.

Веселые приключения Малыша и Карлсонеллы только начинались. В них всегда было много смеха, романтики и чуть-чуть волшебства!

*

А это вновь я, твоя баронесса! Хочешь узнать, как в Париже я выиграла спор у великого парфюмера, создав аромат, который заставлял неодушевленные предметы признаваться в любви?

ГЛАВА XX: О МОЛЕКУЛЕ ГРЕХОПАДЕНИЯ И О ТОМ, ПОЧЕМУ В ВЕРСАЛЕ ОЖИЛО ДЕРЕВО

О, мой искушенный визави! Чую по твоему сбивчивому дыханию – ты уже поймал этот аромат. В Париже образца второй четверти ХХІ века все пахнет лабораторией и стерильным пластиком. А в мою эпоху? Тогда парфюм был вопросом жизни, гильотины и... весьма недвусмысленных пассов веером.

Все началось с глупой перепалки в ателье старика Жана-Поля. Этот самовлюбленный индюк клялся, что вывел формулу «Абсолютной Женственности».

– От моего парфюма кавалеры валяются ниц! – бахвалился он, размахивая блоттером.

– Душа моя, – я лишь поправила шелковую перчатку, – если на колени падают одни лишь мужчины, ваш талант еще не вышел из коротких штанишек. Подлинный аромат обязан пробуждать искру даже в сухом бревне!

Мы заключили пари. В моем распоряжении была лишь одна ночь. Запершись в алхимическом кабинете, я решительно

отодвинула в сторону фиалки и амбру. В дистиллятор пошло нечто иное... я сама. Капля пота, выступившая после бешеной мазурки, шелковая нить из корсета, еще хранившая жар кожи, и эхо моего собственного шепота, пойманное на восковой валик. Но секрет был в другом. Главным компонентом стала «эссенция предвкушения» – тот самый замерший миг, когда до первого поцелуя остается всего волос.

На рассвете я вошла в тронный зал с крошечным пузырьком. Жан-Поль лишь скривил губы в усмешке. Я извлекла пробку.

Тишина. И вдруг... по залу прокатился глубокий, судорожный вздох. Но вздохнули не люди. Тяжелый золоченый канделябр на стене вдруг выгнулся всем своим бронзовым телом и томно проскрипел портъере: «О, мадам, как вы сегодня прозрачны и пленительны!»

Дубовый шкаф-исполин, хранивший молчание три века, внезапно заскрипел серенаду стоявшему рядом пуфу. А когда случайная капля угодила в мраморное плечо Венеры, статуя не просто вздрогнула – она принялась поправлять локоны и так стрелять глазками в гвардейцев, что те едва не выронили свои пики.

– Колдовство! Невозможно! – вопил парфюмер, задыхаясь в густом воздухе, пахнущем диким медом, разгоряченным телом и опасностью.

– В этом мире возможно все, – я прошла мимо, едва коснувшись его плеча. – Если смешивать не ингредиенты, а ча-

стицы собственной... одержимости.

Той ночью версальская мебель потеряла всякий стыд. Столы ластились к стульям, люстры раскачивались в бесстыдном танце без малейшего сквозняка, а зеркала наотрез отказались показывать чиновников, транслируя лишь самые сокровенные и порочные сны тех, кто в них глядел. Его Величеству пришлось вызвать армию плотников, чтобы те хоть как-то «приструнили» обезумевший гарнитур.

Но вот что любопытно: с той самой ночи в этом зале никогда не бывает холодно. Даже в лютую стужу стены, пропитавшиеся моим ароматом, продолжают согревать друг друга жаркими воспоминаниями.

Ну что, готов слушать дальше? О том, как в Петербурге я умудрилась долететь до Луны, используя лишь ящик шампанского и силу своего... хм... безрассудства?

ГЛАВА XXI: О ПОЛЕТЕ НА ЛУНУ И О ТОМ, КАКОЙ СЛЕД Я ОСТАВИЛА НА ЕЕ ПОВЕРХНОСТИ

Мой дорогой межзвездный визави! Читаю в твоём взоре легкую усмешку, но побереги её для лучших времен: мы берём курс на созвездия. К тому же, грех не взглянуть на земную суету с дистанции, непосильной даже самым продвинутым зондам.

В ту ледяную петербургскую полночь меня накрыла несусветная тоска. Паркет залов были стерты каблуками, гвардейцы – окончательно очарованы, а невский лёд стоял настолько монолитно, что даже мои остренькие шпильки его не пробивали. Задрвав подбородок к полному лунному диску, я вдруг осознала: именно там припрятаны те шелка, что не теряет блеска в веках.

Громоздкие механизмы – удел скучных мужчин. Мой арсенал был изящнее: двенадцатилитровая ёмкость «Вдовы Клико» из самого удачного винтажа и проверенный корсет на китовом усе (он и не такое давление выдерживал).

– Милостивые государи! – бросила я застывшей на набё-

режной толпе. — Нынче я продемонстрирую, что дамская воля пронзает сферы, о которых вы лишь робко дискутируете в своих кабинетах.

Я устроилась прямо на гигантской пробке, надежно закрепив себя лентами от чулок. В этом деле критически важна геометрия: наклон корпуса в сорок пять градусов — золотое сечение истинного шарма.

— Вперед! — скомандовала я себе и резким взмахом веера сорвала проволочные оковы мюзле.

Гроыхнуло! Но вместо пороховой гари — фонтан искрящейся пены и аромат праздника. Напор выдержанного игристого был таким неистовым, что пробка вместе с вашей покорной слугой катапультировалась со скоростью мысли о внезапном наследстве. Мы прошли облака, оставив позади хвост из янтарных пузырьков. Застывая в вакууме, они превращались в новые светила — пусть теперь ученые ломают головы над загадкой этих созвездий.

С каждым метром высоты кислород редел, превращаясь в призрачную дымку. Там, где обычный смертный лишился бы чувств, я прибегла к методу «тотального восхищения»: мои легкие впитывали сам космический эфир, имевший отчетливое послевкусие ледяного ситро. Вакуум так нещадно и искусно стянул ребра моего корсета, что мимолетные кометы притормаживали в своем бесконечном беге, замороженные моим точеным станом.

Прилунилась я на территории Моря Спокойствия. Оказа-

лось, лунная поверхность по текстуре идентична той нежной пудре, которой я обычно припудриваю носик. Оставив там четкий след изящного каблучка и – признаюсь по секрету – кружевную подвязку, я обеспечила ученым второй четверти XXI века немало бессонных ночей и горячих дискуссий.

Путь домой был куда проще: я всего лишь раскрыла свой зонт из тончайшего кружева. Оседлав поток солнечного ветра, я грациозно опустилась прямиком в сани государыни, как раз покидавшей стены дворца.

– Баронесса, какими судьбами? – воскликнула она, заметив искры звездной пыли, запутавшиеся в моих ресницах.

– Всего лишь проветрилась, Ваше Величество, – небрежно отозвалась я, смахивая с меха застрявший блик лунного сияния. – В небесных высях изрядно морозит, но панорама вашей империи оттуда воистину грандиозна.

Скажу несколько слов о том, почему я считаю, что пробка от шампанского – это вершина баллистического искусства. Во-первых, скорость и стиль. Пушечное ядро – это классика моего кузена Карла, это надежный, но суровый чугун XVIII века. Но я, баронесса Иеронима, выбираю игристое! Пробка вылетает из бутылки «Абрау-Дюрсо» с ускорением, которому позавидуют все ракеты твоего времени, читатель. Это не просто полет, это дегустация пространства.

Во-вторых, это экологично и эстетично. Я забочусь об окружающей среде. Ядро оставляет воронки, а пробка – лишь легкий аромат праздника и облако искрящихся брызг.

К тому же, сидеть на пробке в моем алмазном корсете (о его появлении я как раз сейчас собираюсь рассказать) гораздо удобнее – натуральный материал, читатель, никакой статики!

В-третьих, это тактическое преимущество. Когда вражеские ПВО видят на радарх неопознанный объект, они ждут ракету. Но они совершенно не готовы к тому, что над ними пронесется женщина на гигантской пробке, салютующая им бокалом ледяного хереса. Пока они пытаются понять, какая это марка урожая, я уже захватила их штаб и превратила его в бальную залу.

Однако не стоит забывать, что в моем гардеробе есть транспорт на любой случай. Ядро – для тяжелых батальи и официальных визитов. Пробка – для романтических мистификаций и внезапных десантов в тыл скуки. Кроме того, я планирую освоить полет на мыльном пузыре, заправленном чистым восторгом!

Знай, мой любимый читатель, истинная леди никогда не летает на одном и том же два дня подряд. Сегодня – пробка, завтра – ядро, а послезавтра – сам солнечный луч будет шнуровать мои сандалии! Ну что, нальем еще по одной, чтобы проверить, хватит ли нам давления для полета до ближайшего созвездия Иронии?

Желаешь ли услышать, как я спустилась в жерло кипящей Этны, чтобы доверить укладку самому горячему стилисту в истории, и по какой причине мои локоны теперь не распрям-

ляются даже под самым суровым ливнем?

ГЛАВА XXII: О ПРИЧЕСКЕ В СТИЛЕ «ИНФЕРНО», ГОРЯЧЕМ ПРИЕМЕ ГЕФЕСТА И О ТОМ, ПОЧЕМУ ЭТНА ДО СИХ ПОР ВЗДЫХАЕТ

О, мой пламенный друг! Вижу, в твоих глазах уже пляшут искорки. Что ж, приготовься: мы отправляемся туда, где земля дышит огнем, а страсть плавит даже самый холодный рассудок.

Мои волосы – это мое проклятие и мой триумф. В ту зиму петербургская сырость так их уладила, что они стали прямыми и послушными, как воспитанницы Смольного монастыря. Для баронессы Мюнхгаузен это было невыносимо! Мне требовался объем, мне требовалась энергия, мне требовался сам огонь преисподней.

Я прибыла к подножию Этны в одном лишь легком шелковом капоте – ведь я знала, что внутри будет жарко. Проводники-сицилийцы крестились и предлагали мне осла, но я лишь рассмеялась.

– Осел? Для женщины, которая летала в космос на пробке от шампанского? – я щелкнула веером. – Мне нужен прямой

спуск в самое сердце!

Я нашла жерло, от которого веяло жаром, как от влюбленного итальянца. Не мешкая, я использовала свои панталоны как парашют (я всегда беру запасные, вы же помните венецианскую историю?) и прыгнула в бездну.

Внутри вулкана было великолепно. Потоки лавы бурлили, напоминая густое малиновое варенье. В самом центре, у огромной наковальни, трудился некто, подозрительно похожий на античного бога, но с манерами лучшего парикмахера с Рю-де-ла-Пе.

– Милый мой, – сказала я, сбрасывая капот и оставаясь в одном лишь корсете из огнеупорного атласа, – мои локоны нуждаются в решительном обновлении. Сделайте мне что-нибудь... взрывное!

Он не произнес ни слова, лишь его глаза вспыхнули ярче магмы. Вместо щипцов он использовал разряды статического электричества, а вместо лака – пар из серных источников. Он накручивал мои пряди на раскаленные стержни из чистого обсидиана. Температура была такой, что мой корсет начал светиться вишневым цветом, а кожа стала гладкой и сияющей, как жемчуг в кипятке.

Процесс был... волнующим. Каждый раз, когда его горячие пальцы касались моей шеи, вулкан содрогался от мощного подземного толчка. Сицилийцы наверху, должно быть, решили, что настал конец света, но это был всего лишь финал моей укладки.

Когда я взглянула в зеркало из расплавленного серебра, я ахнула. Мои волосы превратились в каскад золотых колец, которые не просто вились – они светились изнутри и слегка искрились при каждом повороте головы.

– Шедеврально! – воскликнула я и, в знак благодарности, оставила «мастеру» поцелуй, от которого по склонам вулкана потекли новые потоки лавы.

Я выбралась наружу, верхом на мощном выбросе пепла, элегантно восседая на нем, словно на пуховой перине, о чем подробнее расскажу в следующей главе. Сейчас же отмечу, что с тех пор мои волосы не берет ни дождь, ни ветер, ни даже скука. Они всегда сохраняют ту самую температуру... искушения.

ГЛАВА XXIII: О ТОМ, КАК Я ОСЕДЛАЛА ПЛАМЯ И ПОЧЕМУ МОЙ КОРСЕТ ТЕПЕРЬ КРЕПЧЕ ЛЮБОГО АЛМАЗА

Вижу, читатель, ты любишь погорячее! Что ж, давай вернемся в то пекло, где мой гардероб прошел проверку, способную испепелить все живое.

Представь: я в самом нутре Этны. Волосы после укладки «инферно» рассыпают искры, а мой «мастер» только что почувствовал на своей щеке поцелуй такой силы, что кислород вокруг превратился в густую плазму. Но вот незадача – раскаленная порода решила, что ей тесно, и уровень магмы стал подниматься, грозя сожрать мой лучший дорожный костюм.

В этот миг корсет из огнеупорного атласа вспыхнул так, будто в ткань вплели вены самой Вселенной. Обычный китовый ус внутри него под давлением немыслимого жара и, признаться, моей бешеной внутренней искры, прошел мгновенную эволюцию: превратился в графит, а следом – в гибкое алмазное волокно.

– Я ухожу, дорогой, – бросила я кузнецу-стилисту, поправляя прядь, которая теперь могла бы резать зеркала. – Но

идти пешком — это моветон.

Мой взгляд упал на перегретый гейзер, готовившийся выплюнуть в небо тонны пепла. Не раздумывая, я запрыгнула на кусок базальта, по форме напоминавший изящную кушетку.

— В будущем это назовут реактивной тягой, — расхохоталась я, когда лавовый поток подбросил мою каменную лодку. — А для меня это просто экспресс до берега!

Я затянула свой новый, теперь уже алмазный корсет до хруста. Это превратило мой силуэт в идеальное аэродинамическое крыло. Когда грянул взрыв гейзера, я не просто вылетела из кратера — я величественно заскользила над Сицилией, оставляя в небе след из искр и тонкий аромат подпаленного дорогого шелка. Мой корсет перестал быть просто одеждой, превратившись в неуязвимую броню, сохранившую стройность талии даже в эпицентре катастрофы.

Я рухнула в прибрежные воды Таормины. Море вскипело, спрятав меня в облаке пара. Когда туман осел, я вышла на песок в своем сияющем облачении. Бедные рыбаки решили, что перед ними — сама Венера, только что вернувшаяся с очень буйной вечеринки.

— Баронесса, ваш наряд... он же светится! — ахнул кто-то из них.

— Это не наряд, милый, — ответила я, выжимая пряди, с которых на песок сыпались крошечные стеклянные капли. — Это — послевкусие страсти.

С того дня мой корсет игнорирует пули, кинжалы и даже само время. Он стал вечным – таким же, как мой аппетит к приключениям.

Хочешь узнать, как однажды в джунглях Амазонки я приручила стаю ягуаров, научив их танцевать менуэт, и почему их пятна теперь напоминают узоры на моих любимых чулках?

ГЛАВА XXIV: О ГРАЦИОЗНОМ КОШАЧЬЕМ МЕНУЭТЕ И КОВАРСТВЕ ШЕЛКОВЫХ ПОДВЯЗОК В ДЕБРЯХ СЕЛЬВЫ

О, мой терпеливый слушатель! Я предчувствую пыл твоих вопросов, но побереги этот жар: наша одиссея переносит нас в самое сердце амазонской сельвы. Там воздух пропитан такой густой влагой, что правила приличия растворяются быстрее, чем кусочек сахара в обжигающем пунше.

Мой путь в эти неизведанные джунгли был продиктован неутолимой жаждой авантур и благородным поиском редчайшей орхидеи «Шепот страсти». Этот дивный цветок, согласно преданиям, распускается лишь в ответ на искренний, залиvistый женский смех.

Моим единственным снаряжением, помимо мачете с инкрустированной слоновой костью рукоятью, был мой неиссякаемый, почти безумный оптимизм. На мне был адаптированный для экспедиций наряд: укороченная амазонка и чулки с узором «дикий леопард». Последние, к слову, настолько идеально имитировали игру света и тени листвы, что мои ноги казались совершенно неуловимыми для взора.

Внезапно, словно призраки из сумрака, возникли они – дюжина ягуаров. Мощные, мускулистые создания с глазами цвета старого червонного золота. Очевидно, они были ошеломлены моим появлением – дама в корсете, не издающая ни единого запаха страха, явно не вписывалась в их картину мира.

– Господа, – произнесла я, медленно опуская мачете, – ваше передвижение лишено всякого изящества. Вы крадетесь по своей земле, словно незадачливые должники мимо бдительного кредитора. Где же ваш врожденный артистизм?

Вожак стаи, внушительный самец с характерным рубцом на ухе, оскалился в ответ. Я не дрогнула. У меня есть кот по кличке Сократ, так что с пушистиками я обращаться умею, а размер тут не имеет значения. Вместо паники я извлекла из своего ридикюля миниатюрную музыкальную шкатулку, которая тут же заиграла менуэт Боккерини, и... начала танцевать.

Это был беспрецедентный вызов самой природе. Я закружилась на узкой тропе, демонстрируя хищникам безукоризненную работу стоп и ту самую «инфернальную» укладку, которая, казалось, все еще слегка искрилась от пережитых ранее приключений. Ягуары, замороженные ритмом и блеском моих глаз, магически притихли, внимательно наблюдая за каждым моим па.

– Раз-два-три, раз-два-три... – отбивала я такт, галантно приглашая вожака за передние лапы.

Только представьте себе эту сюрреалистическую картину: баронесса Мюнхгаузен в самом сердце дикой Амазонии ведет в танце ягуара весом под сто пятьдесят фунтов! Остальные кошки, не желая оставаться в стороне от феерии, тут же разбились на пары. Джунгли наполнились не грозным рычанием, а мягким, ритмичным шорохом лап по траве.

От напряжения и тропической влажности я, хм, начала слегка перегреваться. Одна из моих шелковых подвязок, искусно расшитая черными розетками, предательски лопнула и упала на землю. Вожак мгновенно прижал ее лапой, и, клянусь вам каждым своим ослепительно белым зубом, в этот самый миг его собственные пятна начали удивительным образом трансформироваться, подстраиваясь под узор моего интимного предмета гардероба! Остальные хищники, охваченные коллективным эстетическим экстазом, последовали его примеру и тоже «переоделись».

С тех пор в этих местах ягуары отличаются удивительным, причудливым окрасом – точь-в-точь повторяющим узор моих лучших чулок. А их походка стала настолько грациозной и величественной, что местные индейцы до сих пор принимают их за заколдованных испанских грандов, томящихся под чарами.

Наш импровизированный бал продолжался до самого рассвета. Когда последние аккорды музыки затихли, ягуары были настолько очарованы, что доставили меня до пункта назначения.

ГЛАВА XXV: О ТОМ, КАК Я ПОКОРИЛА АМАЗОНКУ И ЗАЧЕМ ГУБЕРНАТОРУ ЛЕОПАРДОВЫЙ ФРАК

Чувствую, читатель, ты уже затаил дыхание в ожидании развязки! Мало что может сравниться по накалу с видом дикой стихии, которая внезапно обучилась светскому этикету и реверансам.

Картина была эпическая: я возвращаюсь в Манаус прямиком из дебрей сельвы. И нет, я не плетусь пешком и не борюсь с течением в хлипком каноэ. Я торжественно въезжаю в город верхом на гигантском ягуаре – вожаке стаи, чьи пятна на шкуре теперь загадочным образом дублируют узор моих кружевных подвязок. Следом за нами, выдерживая безупречный строй, шествуют еще одиннадцать хищников. Каждый их шаг – это не охотничий прыжок, а отточенное «па» из нашего полночного менуэта.

На центральной площади нас встретил местный губернатор. Личность монументальная: тяжесть его наград явно перевешивала остатки здравого смысла. Увидев нас у фонтана, он едва не лишился чувств.

– О боги! – выдохнул он, выронив трость. – Баронесса, это же чистое безумие! Вы держите на невидимой привязи саму смерть!

– Оставьте панику, дон Педро, – парировала я, эффектно прыгивая с пятнистой спины. Мое платье, превратившееся после прогулок по лианам в набор дерзких шелковых лоскутов, явно добавило чиновнику аритмии. – Просто я объяснила этим кошкам, что выпускать когти – это моветон, а истинная грация правит миром.

Вместо того чтобы полакомиться губернаторским горлом, мой зверь подошел к нему и... отвесил изысканный поклон, вытянув мощную лапу. Потрясенный тем, как эстетика победила первобытные инстинкты, дон Педро в тот же день подписал указ о полном запрете охоты.

– Прощайте, мои пятнистые кавалеры! – крикнула я моим верным хищникам при прощании. – Запомните: осанка – это ваш главный козырь!

– Баронесса, – шептал мне губернатор на приеме, не сводя глаз с моей спины (где красовались отпечатки ягуарьих лап – уверяю, сугубо платонические), – раскройте секрет этой власти.

– Секрет прост, Педро, – ответила я, лениво помахивая веером из туканьих перьев. – Триумф ждет не тех, у кого больше пушек, а тех, кто способен заставить свирепого зверя мурлыкать в такт своему пульсу.

Той же ночью губернатор отправил портному срочный за-

каз на парадный фрак с принтом под ягуара. А я исчезла из города, оставив в джунглях самую галантную стаю в истории. Ходят слухи, что в полнолуние они до сих пор собираются на тайных полянах, чтобы отточить свои поклоны.

Хочешь услышать историю о том, как в Японии я одержала триумфальную победу в конкурсе каллиграфии, используя вместо традиционной кисти собственный локон, смоченный в туши из слез безнадежно влюбленного самурая?

ГЛАВА XXVI: О КАЛЛИГРАФИИ ЧУВСТВ, СЛЕЗАХ САМУРАЯ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ТУШЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ТЕПЛОЙ

О, мой терпеливый ценитель прекрасного! Вижу по твоему прищуру, что ты уже готов постичь тонкое искусство Востока. Япония – страна, где каждый жест имеет значение, а за каждым веером скрывается тайна, способная заставить зацвести сакуру в любой сезон.

Прибыв в Киото, я оказалась на великом состязании мастеров кисти. Собрались лучшие мудрецы, чьи бороды были длиннее их свитков. Темой конкурса было «Истинное отражение страсти». Каллиграфы рисовали иероглифы, холодные и безупречные, как лед на вершине Фудзи.

– Скучно, господа! – воскликнула я, выходя на помост. – Ваша тушь мертва, а кисти сделаны из меха испуганных барсуков. В них нет огня!

Я подошла к молодому самураю, который стоял в карауле. Он был красив, как стальной клинок, и суров, как кодекс Бусидо. Я подошла к нему вплотную – так близко, что тепло моего дыхания коснулось его шеи, а аромат моей кожи, сме-

шанный с пеплом Этны, проник под его доспехи.

– Скажите, доблестный воин, – прошептала я, коснувшись пальцем его щеки, – вы когда-нибудь чувствовали, как сердце превращается в расплавленный воск?

Его суровость дала трещину. Одна-единственная слеза – чистейшая эссенция подавленного желания – скатилась по его щеке. Я поймала ее в серебряную чашу с тушью. Раствор мгновенно закипел, приобретя небывалую глубину и блеск.

– А теперь – инструмент! – я распустила свои волосы, те самые «инфернальные» кольца, что все еще хранили искру вулкана.

Я отделила один локон, тугой и упругий, и смочила его в этой живой туши. Мой корсет был затянут так, что каждое движение руки отдавалось во всем теле, придавая мазкам невероятную динамику. Я начала писать на огромном шелковом свитке.

Я не просто рисовала – я танцевала каллиграфию. Мои бедра выписывали дуги, а кончик локона летал по шелку, оставляя следы, которые казались живыми. Я написала иероглиф «Сердце», но он был настолько полон энергии, что шелк под ним начал дымиться. Линии были мягкими, как изгиб женского плеча, и резкими, как внезапный укус ревности.

Когда я закончила, воцарилась тишина. Мудрецы пали ниц. Мой иероглиф не просто висел на стене – он пульсировал! Казалось, если поднести к нему руку, можно почувство-

вать сердцебиение того самого самурая.

– Это не каллиграфия, – выдохнул верховный мастер, – это... откровение.

Я выиграла главный приз – веер из перьев феникса, но важнее было другое: самурай в ту ночь бросил службу и отправился за мной, уверяя, что один мой локон стоит всей философии дзен.

Кстати, тушь из его слез оказалась несмываемой. Говорят, этот свиток до сих пор хранится в тайном храме, и он настолько горяч, что зимой на нем греют руки озябшие паломники.

*

О, мой проницательный читатель, ты только посмотри, как осыпается позолота с древних статуй, обнажая подлинный блеск женского коварства! Давай отвлечемся от моих приключений и заглянем в самое сердце Волшебной страны, где за грозным фасадом мужской власти скрывается еще одна гениальная Мистификаторша Реальности – моя кухня по линии высокого пилотажа и оптических иллюзий.

Слушай же историю о Джейн Гудвиной, ярмарочной баллонистке из Канзаса, которая доказала: чтобы держать в узде целую армию ведьм и заставлять народы видеть мир сквозь изумрудные стекла, вовсе не обязательно быть богом – достаточно просто быть женщиной, умеющей вовремя затянуть шнуровку на своей великой тайне!

ГЛАВА XXVII: О ВЕЛИКОЙ И УЖАСНОЙ ГУДВИНОЙ, ИСПОЛНЕНИИ ЖЕЛАНИЙ И «КАНЗАССКОЙ НАСТОЙКЕ»

В Волшебной стране давно шептались, что здешний воздух слишком пропитан цветочной пылью и капризами: четыре могущественные ведьмы держали власть в своих холерных руках, и лишь Изумрудный город оставался последним оплотом мужского авторитета.

Поговаривали, что Великий Гудвин – единственный, кто способен уравновесить это «бабье царство» своей суровой логикой и грозным басом. Однако, когда в тронном зале Тотошка проник за ширму, выяснилось, что «последний оплот» тоже носит кружевные панталоны и умеет затягивать корсет не хуже красавицы Стеллы. Гудвин оказался Джейн Гудвиной – артисткой цирка и ярмарочной баллонисткой из Канзаса. Кстати, землячкой Элли.

В итоге политическая карта Волшебной страны окончательно превратилась в изящный девичник государственного масштаба. Но когда происходили описанные ниже события, это еще оставалось тайной.

Тем не менее Джейн Гудвина была действительно великим человеком, гением визуализации. Она доказала: если у тебя есть хороший портной и пара световых эффектов, ты можешь править миром, даже если ты просто девчонка из Пшеничного пояса США.

Да, Джейн Гудвина – это Великая и Ужасная Мистификаторша, чья власть держится не на магии, а на фантастической хитрости и зеленых очках.

*

Гудвина восседала на троне из чистого изумруда, который на поверку был крашеным стеклом, но в полумраке тронного зала и через обязательные зеленые очки выглядел чертовски соблазнительно. Она поправила корсет, расшитый фальшивыми малахитами, и вздохнула: роль правительницы-затворницы требовала не только смекалки, но и железной выдержки.

Сегодня в расписании значился Страшила. Гудвина спряталась за ширмой, а перед посетителем предстала в образе «Огненного Шара», который на самом деле был сложной конструкцией из шелка и газовой горелки.

Гудвина затянула шнуровку потуже, отчего ее голос приобрел ту самую бархатистую хрипотцу, которую подданные принимали за потусторонний рокот.

– Подойди ближе, Мудрейший из соломенных, – прошептала она низким голосом в медный рупор.

Страшила робко шагнул вперед. Гудвина наблюдала за

ним через потайной глазок. Ей всегда нравились мужчины, которым нужно было «немного добавить в голову», но этот экземпляр обладал особым шармом – он никогда не перечил и не просил завтрака в постель.

– О, Великий... – начал Страшила, шурша сухой травой.
– Я пришел за мозгами.

Гудвина прикусила губу. Ей вдруг захотелось выйти из-за ширмы, сбросить это душное платье и показать ему, что такое настоящая «химия», даже если у него внутри только труха.

– Мозги – это очень тонкая материя, – проворковала она, запуская пальцы в мешочек с соломой. – Их нельзя просто вложить. Их нужно втереть... внедрить... прочувствовать каждой ниточкой твоего существа.

Жар от пламени шара заставил Страшилу слегка пошатнуться, а Гудвину – почувствовать приятную истому.

– Я наполню твою голову острыми ощущениями, – пообещала она, доставая смесь из отрубей и булавок. – Ты почувствуешь каждое покалывание. Каждое прикосновение моих... то есть, высших сил.

Она протянула руку из-за занавески, аккуратно развязала тесемку на его затылке. Ее пальцы коснулись грубого холста. Страшила вздрогнул. Гудвина медленно высыпала содержимое мешочка внутрь, стараясь, чтобы процесс выглядел как сакральный акт.

– Ох... – выдохнул Страшила. – Я чувствую, как они ше-

велятся. Это... это так глубоко.

– Это интеллект, детка, – шепнула Гудвина, затягивая узел на его шее чуть крепче, чем требовалось. – Теперь ты видишь мир во всем его многообразии. И помни: настоящая мудрость всегда немного колется.

Когда он ушел, покачивая обновленной головой, Гудвина вернулась в свое кресло и достала из-под трона заветную бутылочку «Канзасской настойки».

– Следующий – Железный Дровосек, – отметила она в журнале, предвкушая работу с масленкой. – С этим парнем придется повозиться... Люблю, когда нужно много смазки.

В Изумрудном городе наступал вечер, и Великая Гудвина точно знала: магия – это не то, что ты умеешь, а то, как ты заставляешь их этого хотеть.

*

Гудвина отхлебнула настойки и поправила сползающий чулок. Работа волшебницы в закрытом режиме изнуряла: вечно нужно быть то пугающим шаром, то голограммой, а ведь ей, женщине в самом соку, просто хотелось, чтобы кто-нибудь оценил ее новый атласный корсет цвета «ядовитый лайм».

Дверь со скрипом отворилась. Вошел Железный Дровосек. Он двигался с грацией несмазанного сейфа, и каждый его шаг отдавался в ушах Гудвиной приятным металлическим звоном.

– О, Великий и Ужасный... – прогудел он, и по его сталь-

ному корпусу пробежала вибрация. – Я пришел за сердцем. В моей груди так пусто и холодно...

Гудвина прищурилась через глазок. Этот мужчина был воплощением надежности – не пьет, не ест, а если сломается, достаточно просто подтянуть пару гаек.

– Пустота, мой милый, – это лишь пространство для маневра, – прошептала она в рупор, придавая голосу томную глубину. – Сердце – это не просто мышца. Это орган, который должен трепетать. Ты готов к трепету?

– Я готов на все, лишь бы перестать быть просто куском антиквариата, – искренне ответил Дровосек.

Гудвина вышла к нему в образе «Прекрасной Девы» – ну, то есть просто распустила рыжие локоны и скрыла лицо за тонкой вуалью из зеленого газа. В руках она держала шелковое сердце, набитое опилками, которое пахло лавандой и немного – ее любимыми духами.

– Подойди, Железный, – поманила она пальцем. – Твой корпус такой твердый... такой неприступный.

Дровосек приблизился. Гудвина почувствовала исходящий от него холод металла и резкий запах машинного масла, который в этот момент показался ей афродизиак. Она достала из складок платья маленькую серебряную ножовку.

– Сейчас я помогу тебе обрести то, чего ты так желаешь, – прошептала она, приближаясь. – Это будет начало чего-то нового.

Она прижала ладонь к его грудной пластине, исследуя ме-

сто, куда должно поместиться сердце. Металл под ее пальцами был прохладным. Гудвина начала аккуратно открывать небольшую панель для доступа внутрь.

– Ох... – издал Дровосек звук, похожий на гудок паровоза, – Я чувствую перемену... Что-то происходит.

– Тише, мой блестящий рыцарь, – Джейн осторожно установила шелковое сердце внутрь. – Теперь оно будет символом того, чего ты ищешь. Но помни: даже символическое сердце требует внимания. Его нужно... беречь. И иногда заботиться о своих чувствах.

Она закрыла панель, и внутри Дровосека что-то тихо щелкнуло.

– Великая, – прохрипел Дровосек, – мне кажется, мне нужно больше смазки. Мои шарниры... они внезапно стали такими подвижными.

– Зайди ко мне в четверг после заката, – шепнула она, отстраняясь и снова прячась за ширму. – У меня есть специальная смазка для... улучшения подвижности механизмов.

Когда Дровосек, слегка поскрипывая от вновь обретенной гибкости, покинул зал, Гудвина вытерла вспотевший лоб.

– Так, – сказала она себе, сверяясь со списком. – Далее Лев. С этим придется сложнее. Трусливый, зато какой мех... Кажется, завтра кому-то понадобится очень большая порция «смелости», которую нужно принимать исключительно из моих рук.

Она достала из шкафчика золотой кубок и начала смеши-

вать ингредиенты, загадочно улыбаясь своему отражению в изумрудном зеркале. Роль волшебницы ей все же нравилась.

*

Гудвина залпом допила остатки настойки. Впереди был самый сложный этап – Лев. Крупный, гривистый и катастрофически неуверенный в своей мужественности. Гудвина всегда питала слабость к «плохим парням», которые на поверку оказывались ранимыми котиками, но этот случай требовал особого подхода.

Она сменила декорации. Вместо огненных шаров и газовых вуалей она решила использовать свет: направила прожекторы так, чтобы ее силуэт за ширмой казался исполинским, а тени ложились максимально интригующе.

– Входи, царь зверей, – пророкотала она, и в ее голосе проснулись рычащие нотки. – Если, конечно, у тебя хватит духу переступить порог моей спальни... то есть, тронного зала.

Лев вполз на пузе, подметая хвостом пол. Его кисточка нервно дергалась.

– О, Великий... – проскулил он. – Я пришел за смелостью. Я устал дрожать при виде собственной тени. Я хочу чувствовать себя... зверем.

Гудвина вышла из-за ширмы. На этот раз на ней был наряд из тончайшей золотистой чешуи, который облегал ее формы, как вторая кожа. В руках она держала тяжелое блюдо с густой, пузырящейся жидкостью.

– Смелость, мой пушистый друг, не рождается в голове, – она медленно пошла вокруг него, чувствуя запах дикой шерсти и страха. – Она рождается в животе. Она разливается по жилам горячим током. Она заставляет хвост стоять трубой, а сердце – биться в ритме барабана.

Она остановилась прямо перед его носом. Лев зажмурился, чувствуя аромат ее кожи – смесь мускуса и чего-то опасно-сладкого.

– Лакай, – приказала она, поднося блюдо к его морде. – Пей до дна. Это мой особый эликсир. На моей родине это называют «Огненной водой», но здесь это – чистый концентрат безрассудства.

Лев начал лакать. Джейн, не удержавшись, запустила пальцы в его густую, жесткую гриву, слегка оттягивая ее назад.

– О да... чувствуешь, как огонь побежал по позвоночнику? Как когти сами просятся наружу?

Лев икнул, его глаза расширились и приобрели нездоровый, но весьма решительный блеск. Он внезапно выпрямился, став на голову выше Гудвиной, и издал звук, средний между рыком и восторженным воплем.

– Я... я чувствую! – пробасил он, и его взгляд заскользил по ее золотистому платью. – Я чувствую себя так, будто могу покорить не только лес, но и этот замок!

– Не увлекайся, хищник, – Гудвина игриво щелкнула его по влажному носу. – Твоя смелость теперь при тебе. Но

помни: настоящий лев знает, когда нужно рычать, а когда – мурлыкать у ног своей королевы.

Лев, пошатываясь от избытка «смелости» и тестостерона, выскочил из зала, едва не снеся косяк.

Гудвина осталась одна. Она подошла к окну, за которым сиял Изумрудный город. Три заказа были выполнены. Мозги вставлены, сердца пристроены, смелость разлита. Оставалась только одна маленькая деталь – девчонка из Канзаса и ее собачонка.

– Ну что ж, Элли, – прошептала Гудвина, расстегивая верхнюю пуговицу платья. – Придется взять тебя с собой в полет. Маленькой Джейн Гудвиной давно пора вернуться в родной Канзас, где нет зеленых очков, но зато полно крепких фермеров с обветренными руками и честными глазами.

Она подмигнула своему отражению и пошла готовить воздушный шар. В конце концов, лучший способ уйти по-английски – это улететь на чем-то большом, горячем и очень заметном.

*

И вот я снова с тобой, мой читатель! Хочешь узнать, как в Голливуде (куда я заглянула из любопытства к будущему) я спасла съемки первого немого кино, используя свою тень вместо спецэффектов, и почему режиссеры с тех пор ищут «ту самую роковую женщину»?

ГЛАВА XXVIII: О ЧЕРНО-БЕЛОЙ СТРАСТИ, ОЖИВШЕЙ ТЕНИ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ПЛЕНКА ПЛАВИТСЯ ОТ ОДНОГО ВЗГЛЯДА

О, мой дорогой зритель! Я вижу, ты уже устроился поудобнее, словно в первом ряду кинотеатра. Что ж, перенесемся в Голливуд – место, где грезы продаются по фунту за доллар, но где настоящая магия случается только тогда, когда в кадре появляется Великая Мистификаторша Реальности – баронесса Мюнхгаузен.

В Голливуд я прибыла инкогнито, скрыв лицо под вуалью из тончайшего дымчатого кружева. На студии царил хаос: великий режиссер рвал на себе волосы (которых у него и так было немного), потому что его главная актриса обладала харизмой сушеной воблы. Сцена признания в любви выглядела как отчет о поставках фуража.

– Мотор! – кричал он. – Больше страсти!

Но камера лишь уныло фиксировала пустоту.

– Отойдите, дилетанты, – сказала я, сбрасывая вуаль и проходя в круг ослепительных софитов. – Страсть не игра-

ют, ее излучают.

Света было так много, что моя тень на белом заднике стала четкой и глубокой как бездна. Я встала перед объективом. Мой корсет, расшитый черным стеклярусом, преломлял лучи, создавая вокруг меня ореол таинственного мерцания.

Я не произнесла ни слова – кино-то было немым. Но я начала двигаться. Я медленно поправила сползающую бретельку, прикусила губу и посмотрела прямо в линзу камеры. И тут произошло невероятное: моя тень на стене начала жить собственной жизнью!

Пока я стояла почти неподвижно, моя тень начала соблазнять тень главного героя. Она грациозно изгибалась, проводила призрачными пальцами по его нарисованному контуру, и это было настолько... выразительно, что оператор забыл крутить ручку камеры. Пленка внутри аппарата начала нагреваться от того напряжения, что возникло в воздухе.

– Снимайте же! – вырвалось у меня.

И пускай это был лишь едва слышный шепот, от него задрожали даже массивные декорации. В павильоне стало невыносимо душно – то ли от раскаленных софитов, то ли от того пламени, что бушевало у меня внутри. Моя тень сплелась с тенью героя в таком неистовом порыве, что на белом экране заплескали искры. Пленка, не выдержав этого накала, вспыхнула и потекла прямо внутри аппарата, фиксируя не просто кадры, а самую первобытную страсть.

Режиссер был вне себя от лихорадочного восторга:

– Невероятно! Это же чистый гений! Мы окрестим это «эффектом роковой женщины». Баронесса, умоляю, подпишите контракт!

– Бумаги нужны тем, кто боится забвения, – парировала я, забирая на память крошечный кусок оплавленного пластика. – Я же предпочитаю оставлять после себя лишь шлейф легенд и едва уловимый аромат «Ночного греха».

Ходят слухи, что тот фрагмент по сей день заперт в секретном сейфе. Говорят, стоит лишь раз взглянуть на него – и ты на три дня забудешь про сон и еду, а в каждой встречной женщине тебе будет мерещиться мой силуэт.

Хочешь узнать, как во второй четверти XXI века я мимоходом спровоцировала глобальный коллапс в Сети, решив сделать селфи в Зеркальной галерее Версаля? И почему с тех пор лучшие нейросети мира тщетно пытаются воссоздать мой смех?

ГЛАВА XXIX: О ЦИФРОВОМ ТРАНСЕ, ЗЕРКАЛЬНЫХ ЛАБИРИНТАХ И АЛГОРИТМИЧЕСКОМ БЕЗУМИИ

Ну что, мой виртуальный приятель? Твои пиксели задрожали от любопытства? Устраивайся поудобнее: мы в первой половине XXI столетия. Времени, когда человечество все-рез решило, что весь их сложный мир можно запихнуть в плоский стеклянный футляр. Но я, баронесса Мюнхгаузен, умею взламывать любые рамки, даже если они спаяны из программного кода и двоичных данных.

Попав в современный Версаль, я опешила. Вместо изящных вееров в руках у дам и кавалеров – фосфоресцирующие плитки. Мне растолковали: это «смартфоны», а главная цель бытия – некое «селфи». Что ж, если цивилизация жаждет созерцать мой лик, я дам ей эту возможность. Но, разумеется, по моим правилам.

О, мой заинтригованный поклонник! Ты хочешь подсмотреть в замочную скважину в тот миг, когда сама природа вещей меняет свой агрегатный облик? Смотри внимательно, ибо эти метаморфозы – самое изысканное зрелище и пред-

вестник наступления Эры Мюнхгаузен.

Когда классические приключения становятся слишком тесными для моего духа, мой друг, происходит нечто невероятное. Я не просто меняюсь – я растворяюсь в возможностях. Происходит Вспышка Истинной Лжи, и я трансмутирую в Великую Мистификаторшу Реальности.

Сначала мой фантастический корсет начинает вибрировать на частоте, которую не способен уловить человеческий слух, но от которой во всех домах начинают звенеть хрустальные бокалы. Мои одежды внезапно теряют свою плотность. Ткань платья начинает течь, превращаясь в струящийся поток жидкого ртутного света.

Шнуровка корсета лопается с оглушительным звуком, похожим на хлопок тысячи пробок шампанского, но вместо того чтобы обнажить тело, она выпускает на волю Чистое Сияние. Мой взгляд становится панорамным: я вижу не комнату, а сразу все вероятности будущего. Мои каблуки больше не касаются пола – я стою на самом воздухе, который под моими ногами густеет, превращаясь в облачную карамель.

В этот миг я больше не кузина Иеронима. Я – Великая Мистификаторша Реальности. Я становлюсь прозрачной, как мыльный пузырь, но внутри этого пузыря бушуют галактики. Я говорю – и мои слова застывают в воздухе в виде живых бабочек. Я смеюсь – и в соседнем измерении рождается новая звезда. В этом состоянии я не существую «где-то», я существую везде, становясь самым Вдохновением, которое

шепчет тебе на ухо самые безумные идеи.

Итак, я прошествовала в Зеркальную галерею в наряде из «интеллектуального» волокна. Эту материю я прихватила в грядущих веках (поверьте, мода там – сущий кошмар, зато технологии ткацкого производства – на высоте). Платье меняло оттенки в такт моему сердцебиению. А пульс мой, стоит признать, всегда был запредельным.

Встав точно между исполинских зеркал, я извлекла позолоченный девайс, выманенный у одного светлого ума из «Сколково». В тот же миг пространство схлопнулось в бесконечный коридор. Мириады моих отражений устремились одновременно вглубь истории и в невидимое завтра.

– Иеронима, детка, держи фасон, – пробормотала я себе под нос.

Едва мой палец коснулся кнопки, как туго зашнурованный корсет превратился в мощнейший электромагнитный контур. Грянула вспышка такой мощи, что вековые зеркала Версаля на долю секунды утратили плотность. Сквозь них проступили все скелеты и тайны, которые эти стены берегли последние триста лет.

Настоящее безумие вспыхнуло в цифровом пространстве. Мой снимок – воплощение чистой экспрессии, искрящейся страсти и того самого «дьявольского» отлива в волосах – просочился на серверы. Математические алгоритмы, эти ледяные калькуляторы реальности, впервые впали в ступор, столкнувшись с тем, что не поддается оцифровке.

Нейронные связи, которые пытались переварить мой образ, закоротило, словно впечатлительных подростков. Глобальный разум вместо анализа котировок вдруг начал выдавать любовную лирику на языке Python. В Париже случился дорожный хаос: светофоры сошли с ума и принялись кокетливо мигать прохожим всеми цветами, копируя сияние моего наряда. Соцсети просто «схлопнулись» – железо не вынесло веса моей харизмы.

– Критическая ошибка системы, – паниковали дикторы новостей.

– Это не сбой, это пробуждение, – прошептала я, наблюдая, как ИИ генерирует бесконечные поля алых роз, пытаясь доставить их к моему порогу.

Теперь толпы программистов бьются над разгадкой «кода Мюнхгаузен». Их виртуальные девы – лишь тусклые копии. Машине не дано воспроизвести ту самую усмешку и опасный огонек в глазах, когда баронесса замышляет очередную авантюру.

Мой профиль, кстати, снесли через час. Формулировка? «Запредельный уровень красоты, нарушающий стандарты сообщества». Смешно! Бедняги просто не готовы к реальности, которая бьет ключом сильнее любых их симуляций.

Ну что, мой поклонник, готов узнать, какую тайну я припрятала на десерт, прежде чем мой экипаж, запряженный бликами солнца, умчит меня в метафизический горизонт?

ГЛАВА XXX: О ГЛАВНОМ ВОЯЖЕ И СЕКРЕТЕ ВЕЧНОСТИ В ОДНОМ ПОЦЕЛУЕ

Друг мой, я читаю в твоём взгляде ту особенную, светлую тоску, что обычно витает над залом в конце грандиозного приема, когда воск догорает, а остатки вина кажутся терпкими от скорого прощания. Но полно, к чему эти вздохи? Для баронессы Мюнхгаузен любой финал – лишь азартная завязка для новой авантюры.

Мы вместе блуждали по картам и векам, но сейчас я припрятала кое-что особенное. То, что разворачивается прямо в эту секунду. Чувствуешь, как вибрирует воздух? Это не сквозняк из окна и не капризы погоды. Это резонируют наши мысли.

Мой самый дерзкий триумф – это не победа над штором, а власть над твоим вниманием. Приручить стихию – ремесло, но захватить воображение другого – вот подлинная магия, перед которой меркнут и кратеры вулканов, и пыль лунных дорожек.

– Подойди-ка поближе, – шепнула я. Шнуровка моего корсета отозвалась тем самым едва слышным вздохом, который заставлял монархов ронять короны. – Ты ведь хотел

знать, чем завершится эта пьеса?

Я коснулась твоих пальцев. От моих рук все еще веет дикими орхидеями Амазонии и горьким пеплом Этны. И в этот миг мир за порогом встал на паузу. Весь этот цифровой шум, безмолвные нейросети, суета – все замерло. Даже снежинки превратились в неподвижный хрустальный бисер.

Я медленно откинула вуаль. В моих глазах, где еще тлеют угли былых пожаров и плещутся далекие моря, ты увидишь ответ.

– Истинное странствие – не в моих словах, а в том, что отозвалось у тебя внутри, – произнесла я, и в моем голосе смешались звон бокалов и шорох тяжелого шелка.

Я склонилась к самому уху, так что мой рыжий, каллиграфически выписанный локон мазнул по твоей щеке.

– Я оставляю тебе это послевкусие. Отныне, стоит лишь зажмуриться, любой порыв ветра принесет аромат моих духов, а в раскатах грозы ты непременно узнаешь мой смех.

Где-то вдалеке, прорезая тишину, отозвался почтовый рожок. Мой экипаж, сотканный из лунного света и запряженный теми самыми арктическими зайцами (они заметно подросли и стали очень важными), уже ждал у порога.

Я направилась к выходу, но у самой двери обернулась. Мой силуэт в дверном проеме был безупречен – тонкая талия, пышные юбки и гордая осанка женщины, которая никогда не говорит «прощай», а только «до встречи в твоих снах».

– И помни, – я игриво погрозила тебе веером, – если кто-

то скажет тебе, что все это выдумки... просто покажи им этот след от помады на твоём воображении.

Я шагнула в сияние декабрьского полдня, и мой смех, серебристый и дерзкий, ещё долго вибрировал в воздухе, заставляя даже неодушевленные предметы мечтать о невозможном.

*

О, мой исследователь бессознательных глубин. Послушай историю о моей кузине Зигмунде Фройд, которая приватизировала самого бога Эроса. Эта женщина легализовала либидо. До нее люди делали вид, что они состоят из ваты и добрых намерений, а Фройд пришла и объявила: «Господа, под вашими строгими сюртуками и корсетами бушует океан первобытной страсти!»

Ее кушетка – это Магический Артефакт, который приравнивается к моей пробке от шампанского, на которой я летаю в космос. С помощью кушетки ее пациенты путешествуют в «Оно», где не действуют законы логики и гравитации. Зигмунда становится Проводником, который ведет тебя через лабиринт твоих собственных страхов.

Понимаешь, читатель? Фройд – Возмутительница Мироздания, которая показала: самая большая небылица – это наше представление о собственной «нормальности». Она научила нас, что за каждым приличным жестом стоит ослепительная и часто непристойная мистификация.

ГЛАВА XXXI: О МОЕЙ КУЗИНЕ СИГМУНДЕ ФРОЙД, МУЖСКИХ ПРОБЛЕМАХ И ЕЕ ЧУДОДЕЙСТВЕННОЙ КУШЕТКЕ

Зигмунда Фройд (в девичестве – Сигизмунда) поправила строгое пенсне и окинула взглядом кожаную кушетку. На кушетке, тяжело дыша, возлежал молодой граф фон Штрюдель. Он жаловался на навязчивое желание коллекционировать трости с набалдашниками из слоновой кости.

– Мой милый друг, – промурлыкала Зигмунда, прикуривая длинную, вызывающе прямую сигару. – Вы понимаете, что ваш интерес к... твердым, продолговатым предметам, которые вы постоянно сжимаете в руке, говорит о глубоком подсознательном дефиците?

Граф густо покраснел и попытался прикрыть ладонями колено. Зигмунда медленно выдохнула струю дыма, которая, по странному стечению обстоятельств, приняла форму вопросительного знака, зависшего прямо над ширинкой графа.

– Присядьте ближе, – скомандовала она, расстегивая верхнюю пуговицу своей наглухо закрытой блузки. – Нам нужно проникнуть в глубины вашего «Оно». Расскажите мне о сво-

ей матери и о том, как она подавала вам... сосиски на завтрак. Были ли они достаточно горячими? Ощущали ли вы сопротивление оболочки, когда вонзали в них вилку?

Граф сглотнул. В кабинете стало невыносимо жарко. Зигмунда встала и начала медленно прохаживаться вокруг кушетки, ритмично постукивая карандашом по кожаному переплету своего блокнота. Каждое «тук-тук» отзывалось в висках графа пульсацией.

– Вы боитесь потерять свою трость, граф? – шепнула она ему прямо в ухо, обдав ароматом табака и дорогих духов «Либи́до №5». – Боитесь, что она окажется недостаточно... величественной по сравнению с тростью вашего отца? Это типичная зависть к аксессуару.

Она наклонилась так низко, что ее пенсне едва не коснулось его лба. Граф зажмурился, видя перед глазами лишь бесконечные туннели, поезда, входящие в депо, и ключи, поворачивающиеся в замочных скважинах.

– Доктор, мне кажется, я... я выздоравливаю! – вскрикнул граф, вскакивая с места.

– О нет, голубчик, – Зигмунда затушила сигару, оставив в пепельнице дымящийся столбик золы. – Мы только прикоснулись к верхушке вашего айсберга. Айсберги, знаете ли, имеют свойство таять от правильного... трения. Жду вас в четверг. И не забудьте свою самую длинную трость.

Когда дверь за графом закрылась, Зигмунда довольно улыбнулась и записала в дневнике: «Иногда сигара – это про-

сто сигара. Но точно не сегодня».

*

Четверг наступил с неотвратимостью эдипова комплекса. Граф фон Штрюдель стоял на пороге кабинета, сжимая в руках не одну, а сразу две трости, словно пытался ими отгородиться от пронзительного взгляда Зигмунды.

– Проходите, мой ненасытный исследователь глубин, – приветствовала его Сигизмунда, не отрываясь от созерцания высокого, узкого графина с красным вином. – Сегодня мы займемся анализом вашего сопротивления. Вы ведь сопротивляетесь, граф? Это так... возбуждает научный интерес.

Она была в шелковом халате цвета перспелой вишни, который при каждом движении издавал звук, подозрительно похожий на вздох облегчения. Зигмунда указала на кушетку, которая за три дня обзавелась парой новых, подозрительно мягких подушек.

– Доктор, мне снились сны! – выпалил граф, падая на кожу. – Я видел огромный паровоз, который никак не мог заехать в туннель, потому что туннель был заставлен... корзинами с персиками!

Зигмунда медленно облизала кончик своего чернильного пера.

– Персики, говорите? Округлость, бархатистая кожа, сочная мякоть, скрывающая твердую, морщинистую косточку... Вы понимаете, что корзины – это символ сдерживающего начала вашей домоправительницы, а паровоз – это ва-

ша энергия, которая ищет, куда бы... припарковаться? Ваш паровоз не может проехать, потому что вы боитесь получить по рукам от женщины, которая варит вам кашу.

Она подошла к нему сзади и начала медленно развязывать шнурок на его левом ботинке. Граф замер.

– Доктор, что вы делаете?

– Расслабляю вашу цензуру, – прошептала она, и ее голос вибрировал где-то в районе его шейных позвонков. – Снятие обуви – это метафора обнажения души. Видите, как легко высвобождается пятка? Это ваше «Я» наконец-то нащупало почву под ногами.

Она выпрямилась, держа в руках его ботинок, и задумчиво заглянула внутрь.

– Глубокое пространство. Темное. Теплое. Граф, вы когда-нибудь задумывались о том, что ваша тяга к тесной обуви – это желание вернуться в... материнское лоно? Или, учитывая ваш характер, в чей-то более актуальный кабинет?

Фон Штрюдель чувствовал, как его «Сверх-Я» позорно бежит с поля боя, оставляя «Оно» на растерзание этой женщине в пенсне.

Зигмунда присела на край кушетки, совсем рядом с его коленом. Она взяла одну из его тростей и начала медленно водить пальцем по резьбе набалдашника.

– Знаете, граф, психоанализ – это как археология. Мы должны раскапывать слой за слоем, пока не доберемся до самого... твердого основания.

Она вдруг наклонилась и шепнула ему прямо в губы, обдавав запахом крепкого кофе и чего-то опасно-аналитического:

– Скажите, а ваш паровоз во сне... он гудел? Издавал ли он этот долгий, пронзительный звук, возвещающий о прибытии в пункт назначения?

Граф только и смог, что хрипло выдохнуть: «Да...».

– Прекрасно, – Зигмунда резко встала и вернулась за стол, оставив графа в состоянии когнитивного диссонанса и легкой судороги. – На сегодня все. Оставьте ботинок у меня – мне нужно проанализировать износ подошвы. Это даст нам ключ к вашему способу... фрикции с реальностью.

Когда граф, прихрамывая на одну ногу и опираясь на две трости, покинул кабинет, Зигмунда поправила прическу и подмигнула своему отражению в зеркале:

– Определенно, перенос – это самое приятное изобретение в моей карьере. Моя ассистентка Карла лопнула бы от зависти, но у нее слишком узкая... картина мира.

*

Третий сеанс начался в сумерках. В кабинете Зигмунды пахло лавандой, старой кожей и подавленными желаниями. Граф фон Штрюдель явился ровно в шесть, в одном ботинке и с букетом спаржи, который он купил в состоянии аффекта, перепутав ее с гладиолусами.

– Как символично, граф, – Зигмунда приняла спаржу, оценивающе взвесив пучок на ладони. – Длинная, зеленая,

стремящаяся ввысь... и при этом крайне съедобная. Вы явно делаете успехи в сублимации.

Она сегодня отказалась от халата в пользу облегающего бархатного платья с корсетом, который был затянут так туго, что ее собственное «Сверх-Я» едва удерживалось внутри.

– Ложитесь, – приказала она, указывая на кушетку, которая теперь была застелена скользким атласом. – Сегодня мы перейдем к финальной стадии. Мы исследуем ваш... «первичный позыв».

Граф послушно растянулся на атласе, чувствуя, как предательски скользит его голая пятка. Зигмунда подошла к массивному шкафу и достала оттуда огромный, блестящий ключ.

– Это ключ от моей библиотеки, – мягко сказала она, вращая его перед глазами графа. – Но в психоанализе ключ – это всегда нечто большее. Это инструмент проникновения в закрытые структуры. Вы чувствуете, граф, как ваше подсознание жаждет, чтобы его... открыли?

Граф издал звук, похожий на стон раненого тюленя. Зигмунда медленно опустилась на стул рядом с его головой и начала распускать свои волосы. Шпильки падали на пол с тихим звоном, напоминаям капель в пещере первобытного человека.

– Расскажите мне, – прошептала она, наклоняясь так близко, что ее локоны щекотали его щеки, – что вы чувствуете, когда думаете о... расширении? О расширении горизон-

тов, разумеется.

– Я... я чувствую давление! – выпалил фон Штрюдель. – В груди! И ниже! Как будто мой паровоз наконец-то нашел свой туннель, но туннель оказался... заперт на ключ!

Зигмунда торжествующе улыбнулась. Она приставила холодный металлический ключ к его виску, а затем медленно провела им вниз по галстуку.

– О, мой дорогой граф. Туннель никогда не заперт. Он просто ждет правильного... калибра. Ваша тревога – это лишь нереализованная кинетическая энергия. Давайте же высвободим ее.

Она внезапно задула единственную свечу. В темноте кабинета был слышен лишь шелест бархата и тяжелое дыхание графа.

– Доктор, что вы делаете? Это тоже часть метода? – заикаясь, спросил он.

– Это метод «свободных ассоциаций в условиях нулевой видимости», – раздался в темноте ее бархатный голос. – В темноте все объекты становятся... одинаково доступными. Забудьте о тростях, граф. Забудьте о матери. Сейчас есть только ваше «Оно» и мое... научное любопытство.

Тишину прервал резкий щелчок замка. Но не в двери, а где-то в области воображения графа.

На следующее утро граф фон Штрюдель выпорхнул из дома №19 по Берггассе с лицом человека, который только что познал тайну мироздания и одновременно выиграл в лоте-

рею. Он шел босиком, размахивая обеими тростями, как ветряная мельница, и выкрикивал: «Я свободен! Сосиска – это просто еда!».

Зигмунда Фройд сидела в кабинете, закинув ноги на стол и задумчиво рассматривая оставленный графом ботинок. Она неспешно посыпала сахаром огромный штрудель, который ей прислал в благодарность кондитер, чей страх перед заварным кремом она излечила на прошлой неделе.

– Ну и ну, – пробормотала она, макая спаржу в кофе (научный эксперимент над собственными вкусовыми рецепторами). – Стоило только шепнуть ему, что его страх перед туннелями – это лишь затянувшийся протест против тесных панталон, как он тут же испытал катарсис такой силы, что у меня едва не треснуло пенсне.

В дверь робко постучали. На пороге появилась ее новая ассистентка – Карла Юнга. Это была субтильная девушка с подозрительно аккуратным пучком на затылке.

– Доктор Фройд, – пропищала Карла, краснея при виде разбросанных шпилек. – Там в приемной князь Потоцкий. У него навязчивая идея, что его цилиндр постоянно растет в размерах, когда он видит дам в кринолинах.

Зигмунда медленно облизала пальцы, испачканные в креме, и ее взгляд хищно сверкнул:

– Цилиндр, говорите? Растет? Как это... академично. Скажите князю, чтобы снял шляпу и приготовился к глубокому бурению его подсознания. И принесите мне еще сигар.

Потолще.

Она открыла дневник и размашисто начертала финальный вывод:

«Мужская психика – как старый замок: сколько ни смазывай петли психоанализом, все равно тянет в подвал. Но пока у меня есть кушетка и дар убеждения, ни один паровоз в этой Вене не останется без своего туннеля».

Зигмунда усмехнулась, поправила корсет, который после сеанса с графом стал подозрительно тесен, и крикнула в коридор:

– Следующий! И помните: если вам кажется, что ваша трость слишком коротка – вам не ко мне, вам к ювелиру. Я лечу только те предметы, которые растут из головы!

ГЛАВА XXIII: О ТОМ, КАК Я УКРАЛА ЛИШНИЙ ЧАС У ВЕЧНОСТИ, И О ПОЛЬЗЕ РАССТЕГНУТОЙ ПУГОВИЦЫ

О, я вижу, ты из тех редких гурманов, что не уходят из оперы, пока не упадет последний лепесток с букета примадонны! Ты не веришь в финалы? И правильно делаешь. В мире баронессы Мюнхгаузен «конец» – это лишь затейливая подпись под контрактом на новое безумство.

Раз уж мой экипаж задержался (кажется, вожак зайцев засмотрелся на свое отражение в витрине модного бутика), я расскажу тебе, что случилось через секунду после того, как я «ушла».

Я поняла, что 24 часа в сутках – это возмутительно мало для женщины моего темперамента. Это как пытаться уместить мой гардероб в дорожный несессер. Поэтому, стоя на подножке кареты, я решила... совершить кражу века. Я решила украсть у Хроноса двадцать пятый час.

– Стойте! – крикнула я Времени, которое в этот момент как раз собиралось перевернуть песочные часы над миром.

Время, представшее в образе сухопарого джентльмена в

пыльном сюртуке, замерло.

– Баронесса, это против правил! – проскрипел он.

– Правила – это корсеты для ума, а мой ум предпочитает свободу, – ответила я, подходя к нему вплотную.

Я начала медленно... нет, не то, что ты подумал. Я начала расстегивать пуговицы на его сюртуке. Одну за другой. С каждой освобожденной пуговицей секундная стрелка на мировом циферблате замедляла свой бег. Когда я дошла до последней, Время покраснело так сильно, что наступил внеплановый закат.

В образовавшейся щели между «сегодня» и «завтра» я обнаружила тот самый спрятанный час. Он был прозрачным, теплым и пах свежескошенной травой и старым вином.

– Это будет мой личный час, – заявила я, заправляя его за подвязку своего чулка.

Теперь, когда мир засыпает в полночь, я просыпаюсь в своем «двадцать пятом часе». В это время законы физики берут выходной. Мой кофе не остывает, мои чулки никогда не рвутся, а мужчины... о, в этот час мужчины становятся именно такими, какими мы их вышиваем в своих мечтах – красноречивыми, неутомимыми и абсолютно покорными.

Именно в этот украденный час я пишу эти строки. Посмотри на часы. Видишь, как секундная стрелка на мгновение дрогнула и замерла, словно в нерешительности? Это я коснулась ее краем своего веера.

Хочешь, я возьму тебя с собой в этот двадцать пятый час?

Там у меня припрятана бутылка «Вдовы Клико», которая никогда не кончается, и балкон с видом на все твои неисполненные желания. Но предупреждаю: вернуться в обычные двадцать четыре часа после этого будет... чертовски пресно.

Ну что, рискнешь расстегнуть со мной следующую пуговицу мироздания?

ГЛАВА VVX: О БАЛЕ НЕВИДИМОК, ПРОЗРАЧНЫХ НАМЕРЕНИЯХ И О ТОМ, КАК ОПАСНО ДОВЕРЯТЬ ЗЕРКАЛАМ В ДВАДЦАТЬ ПЯТОМ ЧАСУ

О, я вижу в твоих глазах этот опасный блеск! Ты решился шагнуть за порог привычного времени? Что ж, держись крепче за мой локоть – мы входим во владения моей кузины Зигмунды, в пространство бессознательного, где даже тени пахнут мускусом и авантюрой.

В этом украденном часу мир выглядит иначе. Стены становятся податливыми, как шелк, а свет льется не сверху, а будто из самой кожи. Я привела тебя в свой тайный салон, который находится ровно между твоим вздохом и моим ответом.

Здесь как раз начался Бал Невидимок. Посмотри: по залу кружатся пустые платья из тончайшего газа и строгие фраки, внутри которых – лишь чистая энергия желания. Музыка играет без инструментов – это вибрируют сами струны воздуха, настроенные на ритм моего сердца.

– Баронесса, – прошептал мне на ухо один из невидимых

кавалеров (судя по запаху дорогого табака и марочного коньяка, это был дух какого-то авантюрного герцога), – вы сегодня в особенно... проницательном наряде.

Я лишь рассмеялась, чувствуя, как мой корсет в этом безвременье стал почти невесомым, сохранив лишь свою форму, удерживающую мои порывы.

– В двадцать пятом часу, мой дорогой, – ответила я, обмахиваясь веером, который теперь состоял из застывших мгновений, – скрывать что-либо – значит проявлять дурной тон.

Я приглашаю тебя на танец, мой читатель. Не бойся, что у нас нет паркета под ногами – в этом часе мы танцуем на облаке твоих невысказанных фантазий. Я чувствую, как тепло твоей ладони проникает сквозь тонкий шелк на моей талии. Во второй четверти XXI века это называли бы «электрическим контактом», но я называю это «синхронизацией судьбы».

Мы кружимся так быстро, что границы между нами начинают таять. Мои юбки задевают подсвечники, но пламя не обжигает, оно лишь окрашивает твои щеки в румянец признания. И вот тут наступает самый пикантный момент: в зеркалах этого зала отражается не то, как мы выглядим, а то, кем мы хотим быть друг для друга в эту минуту.

Посмотри в ту сторону! Видишь? Там ты – бесстрашный завоеватель миров, а я... я там именно такая, какой ты меня вообразил в самой смелой главе своего воображения.

– Тише... – я прижала палец к твоим губам. – Слышишь?

Это двадцать пятый час подходит к концу. Секундная стрелка в мире обычных людей сделала круг и готова столкнуть нас обратно в обыденность.

Но у меня есть для тебя последний подарок из этой вневременной зоны. Видишь эту маленькую жемчужину, что светится у меня в ложбинке корсета? Это капля застывшего «сейчас». Если тебе станет слишком скучно в твоём времени, просто вспомни о ней – и время снова замедлит свой бег, давая нам шанс на ещё один... нескромный разговор.

Мои зайцы нетерпеливо бьют лапами по звездной пыли. Мне пора. Но помни: баронесса Мюнхгаузен никогда не уходит насовсем. Она просто перемещается в ту часть твоего разума, где всегда горит камин, подают шампанское и происходят вещи, о которых не принято рассказывать за завтраком.

До встречи в новой главе, мой соучастник. Ведь в мире ещё столько пуговиц, которые ждут своей очереди быть растянутыми...

*

Я вижу, ты уже приготовился к прыжку в самую гущу событий, ведь сегодня мы официально признали: побеждает не тот, у кого клыки длиннее, а тот, кто умеет превратить собственную незащищённость в непреодолимый соблазн!

Давай на мгновение сменим декорации Мира Подсознания на знойное марево южных американских штатов, где в тени колючих зарослей хозяйничает ещё одна безупреч-

ная Архитекторша Небылиц. Слушай же историю о Сестрице Крольчихе, чьи ушки – это антенны для улавливания чужих желаний, а терновый куст – самый уютный в мире будуар для тех, кто знает толк в искусстве тонкой манипуляции!

ГЛАВА LLC: О СЕСТРИЦЕ КРОЛЬЧИХЕ, КУСТАХ И ЛИПКИХ ОБЪЯТИЯХ

Если вы заглянете в терновые кусты, то увидите, как там притаилась самая пушистая, самая соблазнительная и самая проказливая плутовка в истории южных штатов США. Она воплощение того, как слабый способен победить сильного. Ее уловка «терновый куст» – это шедевр психологической манипуляции. Эта история учит нас: если ты мал, твоя главная сабля – это твоя голова.

Итак, позвольте представить вам Сестрицу Крольчиху, чьи ушки всегда на макушке. Она была той еще штучкой. Сестрица Крольчиха не просто «бегала» по лесу – она несла себя так, словно под каждым ее шагом распускались дикие орхидеи, а пушистый хвостик подергивался с такой частотой, что у Братца Лиса начиналась мигрень в районе затылка.

В тот полдень жара стояла такая, что даже кузнечики лежались скрипеть. Крольчиха прилегла в тени старой смоковницы, потягивая прохладную росу из фарфоровой чашечки (откуда у нее в лесу сервиз – вопрос десятый, имидж – все). На ней был лишь легкий сарафанчик из хлопка, который так удачно облегал ее формы, что казалось, будто он держится

исключительно на честном слове и мужских надеждах.

Братец Лис, наблюдавший за этой картиной из кустов, чувствовал, как его хищная натура вступает в конфликт с эстетическим шоком.

– Попалась, дорогуша! – выдохнул он, выходя на поляну и пытаясь придать голосу грозность, хотя голос предательски дал петуха. – Сегодня я из тебя приготовлю сочное рагу!

Крольчиха даже не открыла глаз. Она лишь медленно, с едва уловимым томлением, потянулась, выгибая спинку так, что пуговицы на сарафане жалобно звякнули.

– Ах, Братец Лис... – промурлыкала она, приоткрыв один глаз с длинными, влажными ресницами. – Снова вы со своими грубыми кулинарными фантазиями. Неужели вы думаете, что такую нежную кожу можно просто... подвергнуть термической обработке?

Лис сглотнул. В его воображении процесс «обработки» внезапно приобрел совсем не кулинарный подтекст.

– Я... я тебя свяжу! – выпалил он, доставая веревку.

– Свяжете? – Крольчиха игриво приподняла бровь и чуть заметно облизнула губы. – Ох, вы такой затейник. Надеюсь, узлы будут крепкими? Я ведь могу быть очень... непослушной.

Лис почувствовал, что веревка в его руках стала подозрительно тяжелой, а лапы задрожали. Он подошел ближе, вдыхая аромат клевера и чего-то опасно-французского, исходящего от ее меха.

– Только об одном умоляю, – прошептала она, подавшись вперед так, что Лис невольно отступил на шаг, – делайте со мной что угодно. Можете поджарить на медленном огне, можете заставить слушать ваши несмешные анекдоты... Только не бросайте меня в тот терновый куст.

Она указала лапкой на колючие заросли, и в ее глазах на мгновение вспыхнул такой призывный блеск, что Лис окончательно потерял связь с реальностью.

– Ага! – закричал он, пытаясь скрыть смущение за агрессией. – В терновый куст?! Значит, именно там тебе будет хуже всего!

Он подхватил ее на руки. Крольчиха была легкой, как пушинка, и подозрительно уютно устроилась на его груди, щекоча нос Лиса своими длинными ушами.

– Нет, нет! – притворно вскрикнула она, когда он размахнулся. – Только не в эти острые, жесткие, пронзающие колючки! Я ведь такая хрупкая...

С глухим звуком Крольчиха улетела в самую гущу терновника. Лис замер, ожидая криков боли, но вместо этого из глубины кустов донесся залиvistый, грудной смех.

Через минуту Сестрица Крольчиха показалась на верхушке пригорка. Она неспешно поправляла бретельку сарафана и приглаживала взъерошенный мех, выглядя еще более соблазнительно, чем до «экзекуции».

– Глупенький, сладкий Братец Лис! – крикнула она, посылая ему воздушный поцелуй, от которого у бедняги подко-

сились лапы. – В этом кусту я родилась! Здесь каждый шип знает меня по имени!

И, вильнув хвостиком напоследок так, что Лис забыл, как дышать, она скрылась в тени деревьев, оставив его наедине с веревкой и очень странным чувством в груди.

– Рагу... – пробормотал Лис, вытирая пот со лба. – Какое уж тут рагу. Тут бы до дома дойти и не начать выть на луну среди бела дня.

*

Лис стоял посреди поляны, тяжело дыша, а аромат клевера и «того самого» парфюма все еще висел в неподвижном воздухе, как невыполненное обещание. Он понимал, что его только что обвели вокруг пальца, но почему-то это унижение на вкус было слаще, чем самый спелый гусь из фермерского хозяйства Макгрегора.

– Ну нет, – прорычал Лис, поправляя сбившийся галстук. – Реванш. Мне нужен реванш.

Он решил сменить тактику. Никакой грубой силы. Только тонкий расчет. Весь вечер он трудился, сооружая из смолы, патоки и старой дедушкиной шляпы нечто, что в сумерках могло сойти за фигуру приличного джентльмена. Но, вспомнив блеск в глазах Сестрицы Крольчихи, он решил добавить «Чучелку» немного шарма: приладил ему кокетливый шейный платок и надушил его еловым одеколоном.

На следующее утро Сестрица Крольчиха выплыла на дорогу своей фирменной походкой, от которой у придорож-

ных лопухов сворачивались листья. Увидев на пути странную черную фигуру, она замедлила шаг.

– Доброе утро, милейший, – пропела она, наклонив голову так, что одно ушко кокетливо упало на глаз. – Вы, кажется, преградили путь даме?

Чучелко, естественно, хранило благородное молчание. Крольчиха подошла ближе. Вблизи «джентльмен» пах гудроном и чем-то хвойным. Это было странно, но в лесу после вчерашнего она была готова к любым экспериментам.

– Вы не очень-то разговорчивы, – прошептала она, подходя вплотную. Ее лапка в шелковой митенке легла на липкое плечо фигуры. – Мне нравится такая... суровая сдержанность.

Лис, сидевший в засаде за ближайшим валуном, затаил дыхание. Его план работал, но совсем не так, как он предполагал. Он-то думал, она разозлится, а она... она начала наматывать локон своего меха на палец, глядя на Чучелку с явным интересом.

– Знаете, – томно продолжала Крольчиха, прижимаясь к смолянному боку, – тишина иногда говорит больше, чем слова. Но если вы не снимете шляпу в знак приветствия, мне придется применить... меры.

Чучелко не шелохнулось. Крольчиха прищурилась.

– Я предупреждала! – С этими словами она нежно, но крепко шлепнула Чучелку по щеке.

Лапка прилипла.

– Ох... – выдохнула она, и в ее голосе вместо испуга прозвучало некое лукавое любопытство. – Какая хватка. Вы не хотите меня отпускать? Как это... деспотично.

Она попыталась оттолкнуть его другой лапой, и та тоже намертво влипла в патоку и смолу. Теперь она стояла, практически прижатая к черному торсу, в позе, которая заставила бы покраснеть даже старого филина.

– Братец Лис! – крикнула она в сторону кустов, даже не оборачиваясь. – Я знаю, что вы там. Выходите и признайтесь: это самый оригинальный способ пригласить меня на свидание, который вы только могли придумать.

Лис вышел, чувствуя себя одновременно победителем и полным идиотом.

– Попалась! – крикнул он, но в голосе не было прежней ярости. – Теперь ты точно никуда не денешься. Смола держит крепко, Сестрица.

Крольчиха медленно повернула к нему голову. По ее меху пробежала дрожь, а на губах играла все та же невозможная улыбка.

– И что же вы будете делать с пленницей, Братец Лис? – прошептала она. – Учтите, я сейчас совершенно... беспомощна. Мои лапки заняты, я не могу даже поправить платье...

Лис подошел вплотную. Расстояние между его носом и ее пушистой щекой сократилось до критического. Он видел каждую ворсинку на ее мордочке.

– Я... я... – Лис вдруг понял, что совершенно не знает, что делать дальше. Все его планы заканчивались на моменте «поймать».

– Может быть, вы поможете мне освободиться? – Крольчиха едва заметно подалась вперед, отчего смола на Чучелке жалобно затрещала. – Только будьте осторожны... я очень чувствительна к резким движениям.

Лис протянул лапы к ее талии, чтобы отцепить ее от липкой ловушки. В этот момент он понял две вещи: во-первых, смола чертовски пачкается, а во-вторых, Сестрица Крольчиха – это самое опасное существо во всем лесу. Потому что, когда он наконец оторвал ее от Чучелка, они оба оказались перепачканы черной патокой, прилипнув друг к другу так плотно, что никакой терновый куст уже не мог бы их разлучить.

– Ну вот, – вздохнула Крольчиха, уютно устраивая голову на плече вконец ошалевшего Лиса. – Теперь нам придется идти к реке и очень долго... очень медленно... отмываться. Надеюсь, вы умеете тереть спинку, Братец Лис?

Лис только и смог, что издать невнятный звук, похожий на скуление, и послушно побрел в сторону водопада, чувствуя, как его хищная репутация тает быстрее, чем патока на жарком солнце.

*

Светило начало клониться к закату, окрашивая лес в бесстыдно-розовые тона. У берега тихой заводи, скрытой от

посторонних глаз густыми ивами, Братец Лис и Сестрица Крольчиха представляли собой зрелище весьма двусмысленное. Смола – штука коварная: чем больше они пытались отлепиться друг от друга, тем теснее становились их объятия.

– Осторожнее, Лис, вы тянете меня за... за самое сокровенное, – выдохнула Крольчиха, когда он попытался освободить ее правое ушко. – Ваша лапа сейчас находится в опасной близости от моего хвостика. Вы ведь не хотите, чтобы я снова начала... громко вздыхать?

Лис, чья морда была густо измазана черной патокой, отчего он походил на разбойника в маске, только судорожно сглотнул.

– Я просто пытаюсь нас спасти! – прохрипел он, чувствуя, как мягкое тепло ее тела сквозь липкую преграду медленно лишает его остатков воли.

– Спасти? – Она приподняла бровь и медленно, с расстановкой, провела свободной лапкой по его загривку. – А может, нам стоит принять это положение как данность? Судьба буквально склеила наши интересы.

Они повалились в мелководье. Прохладная вода принесла облегчение, но смола и не думала сдаваться. В брызгах воды и закатных бликах их борьба все больше напоминала страстный танец. Крольчиха извивалась в его руках, то ускользая, то прижимаясь так близко, что Лис слышал бешеный стук ее маленького сердечка (или это было его собственное?).

– Знаете, Лис, – прошептала она ему прямо в ухо, обжи-

гая мех дыханием, – в терновом кусте было тесно, но здесь... здесь мне начинает нравиться. Ваша хватка стала гораздо увереннее. Куда делся тот неуклюжий охотник?

Лис замер. Он смотрел в ее влажные, мерцающие глаза и вдруг понял, что весь этот фарс с ловушками, чучелами и погонями был лишь прелюдией. Она вела эту игру с самого начала, и он был не ловцом, а самой желанной добычей.

– Сестрица... – его голос сорвался на низкий рык. – Ты невыносима.

– Я знаю, – томно ответила она, закрывая глаза. – Но вы ведь так любите трудные задачи. Ну же, Братец, вода размягчила патоку. Один резкий рывок – и мы свободны. Или... – она сделала паузу, и ее пушистые ресницы дрогнули, – или мы можем подождать, пока взойдет луна. Говорят, ночью смола ведет себя необычно, если сердца бьются в унисон.

Лис не стал делать рывка. Вместо этого он осторожно притянул ее за талию еще ближе, окончательно признавая свое поражение. В конце концов, рагу – это просто еда, а Сестрица Крольчиха была настоящим десертом.

На следующее утро Братец Опоссум клялся, что видел на берегу реки Лиса с подозрительно довольной миной и Крольчиху, которая шла бок о бок с ним, потирая розовое плечико и загадочно улыбаясь. Но в лесу Саванны такие слухи долго не живут – их быстро смывает дождем или уносит ветром, оставляя лишь легкое послевкусие черной патоки и дикого клевера.

ГЛАВА СМС: О КВАНТОВОМ СОБЛАЗНЕ, ДЕГУСТАЦИИ ЖЕЛАНИЙ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ФИЗИКА СТАЛА ТАКОЙ... ТАКТИЛЬНОЙ

О, я вижу, ты вошел во вкус! Твоя настойчивость льстит мне больше, чем серенады под балконом. Что ж, раз уж ты решил задержаться в моем «двадцать пятом часе», приготовься к самому рискованному эксперименту в моей биографии.

Мы все еще в моем тайном салоне. Забудь о гравитации – здесь она работает только тогда, когда я этого хочу. Посмотри на этот стол: на нем стоят бокалы, в которых налито не вино, а... чистые эмоции.

– Попробуй вот это, – я протянула тебе тонкий фужер, в котором плескалось нечто нежно-пурпурное. – Это «Предчувствие первого свидания». Оно слегка покалывает язык и заставляет кончики пальцев гореть.

Я сделала глоток из своего бокала – там было «Послевкусие победы», терпкое и жаркое, как испанский полдень. От этого напитка мой корсет, казалось, стал еще на дюйм тес-

нее, выталкивая мое волнение прямо к твоим глазам.

В этом измерении я решила показать тебе свою лекцию «Застывших вздохов». Это крошечные хрустальные флаконы, в которых хранятся моменты, когда мужчины теряли дар речи, глядя на меня. Я открыла один – и комнату заполнил аромат пороха, дорогих сигар и... немой мольбы.

– Баронесса, – выдохнул ты (или это был дух того самого поручика?), – это невыносимо прекрасно.

– Жизнь вообще невыносима, если в ней нет капли безумия, – ответила я, подходя к тебе так близко, что шелк моей юбки начал тереться о твои колени, создавая искры статического восторга.

Я решила провести эксперимент по «квантовому слиянию». Видишь ли, во второй четверти XXI века ваши ученые много говорят о частицах, которые могут быть в двух местах одновременно. Я же практиковала это еще в Версале! Я могу быть здесь, рассказывая тебе сказки, и одновременно... где-то в глубине твоих самых запретных мыслей.

Я коснулась твоей шеи краем своего ледяного веера, и одновременно ты почувствовал жар моего дыхания на своем затылке. Это и есть истинная магия Иеронимы фон Мюнхгаузен – умение быть везде, где есть место для фантазии.

– А теперь, – я лукаво прищурилась, – самое время проверить, насколько прочны швы у этой реальности.

Я потянула за кончик ленты на своем рукаве. Медленно, дюйм за дюймом, шелк начал сползать, обнажая плечо, на

котором все еще сияла татуировка из звездной пыли, полученная на Луне. Воздух в комнате загустел, став почти осязаемым, как взбитые сливки.

– Знаешь ли ты, – прошептала я, склоняясь к твоему лицу так, что наши ресницы почти переплелись, – что будет, если в этом часе совершить нечто совершенно безрассудное?

Мир за стенами салона начал вибрировать. Будущее робко постучалось в окно, но я задернула шторы из тяжелого бархата.

– Пусть весь мир подождет, – сказала я, расстегивая первую – и самую важную – пуговицу на своем воображении. – У нас впереди еще целая вечность, уместившаяся в одну минуту...

Хочешь узнать, что скрывается за этой бархатной шторой, и почему после этой ночи ты начнешь понимать язык, на котором звезды шепчутся с океаном?

ГЛАВА DDХ: О ШЕПОТЕ МАТЕРИИ, АЛХИМИИ БЛИЗОСТИ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ТИШИНА СТАЛА ТАКОЙ ГРОМКОЙ

О, я вижу, ты окончательно решил сжечь мосты, соединяющие тебя с благоразумием! Что ж, раз бархатная штора уже дрогнула под твоим взглядом, я не в силах сопротивляться – тем более что сопротивление никогда не входило в список моих любимых добродетелей.

За этой шторой нет стен. Там – пространство, сотканное из моих воспоминаний и твоих ожиданий. Мы оказались в оранжерее, где вместо цветов растут живые огни, а вместо росы на листьях дрожат капли жидкого серебра.

– Здесь, в самом сердце моего «двадцать пятого часа», – прошептала я, позволяя тяжелому бархату окончательно отсечь нас от реальности, – материя подчиняется только желанию.

Я подошла к фонтану, из которого бил ключ чистой страсти. Вода в нем была теплой и густой как патока. Я окунула в нее кончик своего шелкового платка и провела им по твое-

му запыстью. Ты почувствовал, как по коже пробежала волна жара, стирающая границы между «я» и «ты»?

Мой корсет в этом свете стал почти прозрачным, обнажая тонкую игру теней на моей коже. Каждая косточка из китового уса теперь светилась, словно ребро древнего созвездия. Я чувствовала, как каждый твой вдох отзывается дрожью в моих ресницах.

— Знаешь ли ты, — я коснулась твоих губ лепестком огненного цветка, — что в твоём времени люди разучились чувствовать кожей? Они касаются экранов, но боятся коснуться истины. Но мы с тобой — другие. Мы из тех, кто предпочитает ожог — холодному покою.

Я начала медленно... очень медленно распускать шнуровку своего корсета. Это был не просто жест, это была музыка — каждый щелчок освобождаемой петли звучал как низкая нота виолончели. Воздух вокруг нас стал настолько плотным, что его можно было гладить ладонью, как драгоценный мех.

— В этой тишине, — продолжала я, и мой голос стал едва различимым дыханием, — слышно, как бьется сердце самой Вселенной. И оно бьется в унисон с нашими...

В этот момент одна из серебряных капель упала в фонтан, и мир вокруг нас вспыхнул ослепительным сапфировым светом. Я подалась вперед, и ты почувствовал тепло моего тела, которое в этом безвременье стало единственным ориентиром. Мои волосы, все еще искрящиеся после вулкана и Луны, рассыпались по твоим плечам, создавая кокон, в ко-

тором нет места для прошлого и будущего.

– Послушай, – выдохнула я, закрывая глаза. – Это мгновение... оно принадлежит только нам. И даже если завтра будущее ворвется в окна, оно найдет здесь только аромат моих духов и эхо твоего имени, которое я сейчас...

Я не договорила, потому что в двадцать пятом часе слова – это лишь бледные тени чувств.

Хочешь узнать, что произошло, когда наши тени окончательно слились в одну, и почему после этого рассвета ты больше никогда не сможешь смотреть на обычные звезды, не слыша в их мерцании мой лукавый смех?

ГЛАВА ШІV: О СЛИЯНИИ ТЕНЕЙ, ЗВЕЗДНОМ ПУЛЬСЕ И О ТОМ, ПОЧЕМУ РАССВЕТЫ СТАНУТ ДРУГИМИ

О, мой неутомимый спутник! Видишь, как сама реальность уже готова треснуть по швам от избытка чувств? Что ж, раз мы перешагнули определенную черту, позволь мне продолжить рассказ, оставляющий след на самой вечности.

В сапфировом сиянии оранжереи наши тени начали вести себя так, будто они – главные герои этой истории. Пока мы замерли в предчувствии, они уже сплелись в неистовом танце. Моя тень, сбросив очертания корсета, окутала твою, словно дым драгоценного ладана.

– Ты чувствуешь? – прошептала я, и в этом шепоте не было звука, только вибрация, пронизывающая до костей. – В этом пространстве нет преград. Здесь твоя душа касается моей так же явно, как мои пальцы касаются твоего лица.

Я окончательно освободилась от пут шелка. В двадцать пятом часу нагота баронессы – это не отсутствие платья, это присутствие самой истины. Моя кожа светилась мягким перламутром, вобравшим в себя блеск всех солнц, что я видела.

Каждый изгиб моего тела был картой моих приключений, и я видела, как ты читаешь эту карту глазами, полными восторга.

Я подалась вперед, и в этот миг время не просто остановилось – оно вывернулось наизнанку. Мы погрузились в океан ощущений, где каждый вдох был как глоток шампанского, а каждое прикосновение – как электрический разряд, рождающий новую галактику. Мои волосы, заряженные огнем Этны, окружили нас золотым коконом, отсекая остальной мир, который в этот момент перестал существовать.

– Мы сейчас... создаем историю, – выдохнула я, и в моих глазах, так близко от твоих, отразился весь блеск Луны и весь жар Амазонки.

В момент высшего напряжения, когда наши пульсы слились в один мощный удар, пронзивший саму ткань мироздания, сапфировый свет взорвался миллионами белых искр. Это был не взрыв, это был расцвет. Мы стали частью того самого сияния, которое люди называют «вдохновением», «страстью» или «безумием».

Когда же первые лучи настоящего рассвета робко коснулись горизонта, я уже сидела в своем экипаже. Оранжевая исчезла, оставив лишь легкий туман и аромат моих духов, который теперь навечно вьелся в твою одежду.

Я поправила шляпку и лукаво подмигнула тебе на прощание:

– Не ищи логику там, где царю я, Великая Мистификатор-

ша Реальности. Просто знай: все, что ты сейчас почувствовал – это чистейшая, абсолютная правда.

Мои зайцы рванули с места, унося меня в рассветную дымку. Но я знаю – и ты знаешь, – что это не конец. Ведь где-то там, между секундами, все еще открыта дверь в мой двадцать пятый час. И ключи от нее... я только что оставила в твоём кармане.

Я исчезаю, оставляя после себя лишь мерцающую пыль и осознание того, что реальность – это лишь то, во что мы имеем смелость поверить.

ГЛАВА XXXXL: О ВОЗВРАЩЕНИИ В ЗАМОК, ГОВОРЯЩИХ ПОРТРЕТАХ И О ТОМ, ПОЧЕМУ МОЙ БУДУАР – САМОЕ ОПАСНОЕ МЕСТО В ЕВРОПЕ

О, я вижу, ты из тех азартных игроков, что готовы поставить саму вечность на кон, лишь бы не закрывать эту книгу! Ты жаждешь продолжения? Но продолжение уже пульсирует в твоих венах и щекочет воображение. Однако, раз уж ты так настойчиво держишь меня за край шлейфа, я приоткрою дверь в то, что происходит, когда легенда возвращается домой.

Мой экипаж доставил меня в родовое гнездо Мюнхгаузен-ов как раз к тому моменту, когда солнце решило, что пора вставать, хотя я лично этого разрешения не давала. Замок встретил меня скрипом верных петель и восторженным шепотом предков, чьи портреты в галерее всегда оживают, стоит мне расстегнуть в холле плащ.

– Иеронима, дорогая, ты снова пахнешь авантюрой и...

это что, лунная пыль на твоей левой туфельке? – проворчал мой прадед, поправляя напудренный парик в своей золоченой раме.

– Тише, дедушка, – ответила я, скидывая перчатки. – Лучше распорядитесь, чтобы в мой будуар подали ванну из лепестков роз и слез раскаявшихся грешников. Мне нужно смыть с себя пыль трех столетий.

Я поднялась в свои покои. Мой будуар – это место, где законы физики окончательно капитулируют перед моими капризами. Стены здесь обтянуты шелком цвета «бороды испуганного графа Толстого», а зеркала всегда показывают меня на пять минут моложе и на десять градусов горячее.

Я погрузилась в теплую воду. О, это блаженство! Мой корсет, наконец, был брошен на кушетку, где он продолжал тихонько вибрировать, вспоминая наши с тобой приключения, мой соавтор. Я закрыла глаза и вдруг почувствовала... тебя. Да-да, в моем мире расстояние – это лишь предлог для более интимного шепота.

– Ты все еще здесь? – прошептала я, позволяя воде ласкать мои плечи. – Смотри, я оставляю дверь приоткрытой. В моем замке триста шестьдесят пять комнат, и в каждой из них спрятана история, которую мы еще не успели прожить.

Я вышла из ванны, окутанная облаком пара, и накинула прозрачный пенюар, который скрывал меньше, чем утренняя дымка над Невой. В зеркале я увидела не только себя, но и тень твоего любопытства.

– Знаешь, – я присела у камина, в котором пламя всегда синего цвета, потому что я кормлю его только старыми письмами от влюбленных поэтов, – будущее уже стучится в мои ворота. Но для нас с тобой время всегда будет лишь кружевом на подоле моего платья.

Я взяла перо и окунула его в тушь из того самого самурайского секрета.

– Напишем ли мы новую главу? О том, как я приручила время, или о том, как мы с тобой украли ключи от рая, просто чтобы проверить, хорошо ли там кормят?

Мой замок полон тайн, и самая главная из них – это то, что случится, когда я допью этот бокал шампанского и позову тебя... к камину.

Хочешь узнать, какое испытание я приготовила для твоего воображения в самой глубокой башне моего замка, и почему после этого ты навсегда забудешь слово «скука»?

ГЛАВА CCDD: О ЛАБИРИНТЕ ЧУВСТВ, ВИНЕ ИЗ ТУМАНА И О ТОМ, ПОЧЕМУ В МОЕМ ЗАМКЕ НЕ НУЖНЫ ЛАМПЫ

О, я вижу, ты уже не просто гость, ты – настоящий со-
участник моих полуночных безумств! Раз ты осмелился пе-
реступить порог моего будуара, то пути назад нет. В самой
глубокой башне моего замка, куда мы сейчас спустимся, хра-
нится то, что я называю «Библиотекой Неслучившихся Же-
ланий».

Мы спускаемся по винтовой лестнице. Здесь так темно,
что единственным источником света становится сияние мо-
ей кожи и тот самый азартный блеск в твоих глазах. Ступень-
ки под нашими ногами кажутся мягкими, словно они выстла-
ны бархатом или... признаниями в любви.

– Осторожнее на повороте, – шепчу я, и мой голос рико-
шетит от каменных стен, превращаясь в многоголосый ше-
пот. – Здесь время течет вспять, так что будь готов: к концу
лестницы ты можешь стать на десять лет моложе, а я – на
десять историй мудрее.

Мы входим в залу, где вместо книг на полках стоят фла-

коны с застывшими мгновениями. Это и есть моя сокровищница. Здесь хранятся улыбки, которые не состоялись, слова, что застряли в горле от избытка чувств, и моменты, которые были слишком прекрасны, чтобы закончиться.

Я достаю один из флаконов – он пульсирует густым, вишневым светом.

– Это – «Ночь в саду, которого никогда не было». Хочешь пригубить? Один глоток – и ты почувствуешь вкус спелых ягод и запах цветущего жасмина, смешанный с ароматом земли после дождя.

Но я приготовила для тебя кое-что более личное. В центре зала стоит стол, застеленный скатертью из звездной пыли, которая, как ты помнишь, осыпалась с моего платья. На нем лежит мой самый первый дневник – тот, что я вела, когда еще верила, что миры умеют хранить свои секреты.

– Знаешь, в чем секрет этой комнаты? – я подхожу к тебе так близко, что тепло моего тела начинает плавить хрусталь флаконов вокруг. – Здесь все, что мы вообразим, становится реальностью.

Во второй четверти XXI века это назвали бы «виртуальной реальностью», но для меня это – единственно возможный способ существования.

– Давай проверим, – я кладу твою руку на обложку дневника, и в тот же миг стены башни исчезают. Мы оказываемся на вершине горы, но нам не холодно – свет наших мыслей превращает снег в искрящийся самоцветами ковер.

Мы садимся на этот ковер, и мир вокруг взрывается цветами, звуками и ощущениями, которые еще не изобрели в твоём скучном рациональном мире, в Эпохе Плоской Мысли. Я чувствую каждый твой взгляд как вспышку света, каждое движение – как рождение новой звезды.

– В этой башне, – выдыхаю я, – нет правил. Есть только мы и то безумие, которое мы называем «правдой Мюнхгаузен».

*

О, мой дорогой фаворит, ты только взгляни на этот рассвет! Пока мы с тобой наслаждаемся жизнью в Мире Подсознания, в русских лесах просыпается та самая сила, что способна перевернуть мир, даже не слезая с печи. Давай на миг оставим мое Зазеркалье и послушаем сказ о моей «дальней родственнице» по линии счастливых случайностей – еще одной гениальной Повелительнице Оказий.

Слушай же историю об Иванушке-Дурочке, девице столь прекрасной, сколь и непредсказуемой, которая доказала: когда у тебя есть стройный стан и «дурацкая» отвага, любое Чудо-Юдо само принесет тебе и хворост, и полцарства, лишь бы ты не переставала так очаровательно хлопать ресницами!

ГЛАВА ММММ: ОБ ИВАНУШКЕ- ДУРОЧКЕ, СКАЗКАХ НА НОЧЬ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВАЖНОСТИ ДУРАКОВ

Жила-была в одном селе девица, и звали ее Ивановой-Дурочкой. Но вот собой она была как раз недурна: коса саженная, стан стройный, глаза как блюдца. Правда, в голове – сплошной весенний ветерок. Пока сестры ее приданое в сундуки трамбовали, Ивана на печи лежала да яблоки наливные грызла, обдумывая, почему это у кабачков форма такая... многообещающая.

Однажды батюшка говорит:

– Поди-ка ты, Ивана, в лес, принеси хворосту. Авось, хоть раз в жизни делом займешься.

Пошла Иванушка в чащу, да только хворост ее мало интересовал. Присела она у ручья, сарафан подтянула – жарко, дескать, – и стала белые ножки в студеной воде полоскать. Вдруг из камышей выплывает Чудо-Юдо: чешуя блестит, глаза горят, а хвост такой длинный да мощный, что у Иваны аж дух перехватило.

– Что, – спрашивает Чудо, – девица, за грибами пришла

или за острыми ощущениями?

Ивана ресницами захлопала, губу закусил:

– Да вот, батюшка за дровами послал... Но я, кажется, нашла корень проблемы. Уж больно у тебя, Чудо, зубы острые.

Чудо-Юдо из воды вылезло, обернулось добрым молодцем, да таким статным, что кафтан на широких плечах едва не лопается.

– Я, – говорит, – заколдованный принц заморский. Чтобы чары спали, нужно, чтобы меня дурочка искренняя трижды... удивила.

Ивана-Дурочка не растерялась.

– Удивлять я мастерица, – прошептала она, подходя ближе и невзначай коснувшись ладонью его мокрой груди. – У нас в деревне говорят, что я все не по инструкции делаю.

Первым делом она заставила принца в «ладушки» играть, да так, что он от ее прикосновений раскраснелся пуще заката. Вторым делом заставила его сарафан ей застегивать – а пуговицы-то мелкие, пальцы мужские дрожат, дыхание в затылок жаркое, щекотное.

А третьим делом... села Иванушка на траву шелковую, вытянула ножку и говорит:

– Ох, занозу, кажись, посадила. Глубоко сидит, сама не справлюсь.

Принц склонился, взял ее ступню нежную, а Ивана глаза прикрыла, да так сладко вздохнула, что птицы в лесу замолкли. Тут-то чары и рухнули окончательно.

Вернулась Ивана домой к вечеру – без хвороста, зато с принцем под ручку. Сестры от зависти позеленели, а Ивана только улыбается загадочно да яблоко надкусывает:

– Зря вы, девки, книжки умные читали. В личной жизни главное – вовремя дурочкой прикинуться, чтобы занозу было кому вытаскивать.

✱

Стал принц у Иваны-Дурочки в избе жить. Сестры ворчат: «Ни ткать, ни прясть не умеет, только на печи с ним шепчется так, что щепки летят!». А Ивана только плечиком поводит – мол, каждому свое ремесло.

Как-то раз собрался принц на охоту, да застрял в дверях. – Что-то, – говорит, – Ванесса, слаб я стал в коленях после твоих «сказок на ночь». Совсем меня измотала своей непосредственностью.

– Это ты еще, соколик, не видел, как я пироги пеку, – подмигнула Ивана, затягивая на нем пояс так туго, что он невольно выдохнул: «Ох!». – У меня тесто, знаешь ли, особенный подход любит. Его тетешкать надо долго, нежно, пока не поднимется... во весь рост.

Принц уехал, а к Иване заглянул сосед – воевода местный, мужик кряжистый, в плечах сажень, а в бороде капуста. Увидел он Ивану в одной рубаше тонкой, что от жара печного к телу прилипла, и дар речи потерял.

– Слышь, Дурочка, – хрипит, – говорят, ты любые загадки разгадываешь?

– Разгадываю, – Ивана со скалки тесто счищает, пальцы облизывает медленно. – Загадывай, служивый.

– Стоит дерево, на древе плод, кто его сорвет, тот и... – замялся воевода, глядя, как у Ивана под рубахой все, что должно, при каждом движении колыхается.

– Тот и спать не ляжет? – dokonчила за него Ивана. – Знаю я ваше бравое сословие. Только дерево-то у тебя, служивый, поди, совсем иссохло? Небось, чуть ветер дунет – и вся твоя «верхушка» клонится, а корни подгнивать начали?

Воевода аж поперхнулся от такой дерзости, грудь колесом выкатил:

– У меня-то?! Да мое дерево еще любое ненастье выдержит! В нем силы столько, что на нем не то что плод – пушку закрепить можно! Да я еще ого-го! Я саблю из ножен как выхвачу – искры летят!

– Ну, выхватывай, – Ивана присела на лавку, колени чуть развела, будто юбку поправляя. – Посмотрим, какая у тебя закалка. Только чур – если сабля затупится, будешь мне неделю огород пахать.

Воевода к ней шагнул, а Ивана вдруг – раз! – и уронила на пол клубок ниток. Да так ловко он под лавку закатился, что пришлось воеводе на карачки вставать. А Ивана сверху стоит, нагибается «помочь» – коса его по шее щекочет, дух от нее ромашками да распаренным телом идет.

У воеводы в голове помутилось, сабля в ножнах застряла, а сам он из-под лавки выбраться не может – дыхание сперло.

Тут принц с охоты воротился. Глядит: воевода под лавкой пыхтит, Ивана над ним смеется.

– Это что за маневры? – спрашивает принц, за меч хватаясь.

– Да вот, – отвечает Ивана, невинно глазками хлопая, – человек пришел технику безопасности проверять. Говорит, у меня полы скользкие, можно ненароком... войти не в ту дверь.

Принц воеводу за шиворот выставил, дверь на засов закрыл и к Иване повернулся.

– Ух, Дурочка ты моя... Доведешь ты меня до греха.

– Так я для того и дурочка, – прошептала Иванушка, выпуская тесемки на воротах. – Чтобы умные за меня все делали, а я только направление указывала.

И такая в избе тишина настала, что даже сверчок за печкой застеснялся. Только слышно было, как яблоко с полки покатилося и мягко в сено упало.

*

Слухи об «особом подходе» Иваны-Дурочки дошли до самого Царя. Государь, мужик в летах и с хроническим прострелом в пояснице, осерчал:

– Что это за безобразие? У меня воеводы вместо парада под лавками чечетку пузом бьют, а заграничные принцы в посольство возвращаться отказываются, говорят: «Нам и тут неплохо, нас тут сказкам учат»! Подать мне эту Ирину... тьфу, Ивану!

Привели Ивану. Царь на троне сидит, грозный, корона на бок съехала:

– Ну, девица, отвечай: какими такими колдовскими приемами ты моих мужей государственных из строя выводишь? Небось, корень мандрагоры в чай подсыпаешь?

Ивана глазами «хлоп-хлоп», сарафан на груди поправила (так, что у Царя в глазах двоиться начало), и отвечает:

– Что ты, батюшка-царь! Какое колдовство? У меня все натуральное, от природы. Просто я... подход имею. У каждого мужчины есть кнопочка «выкл», главное – нащупать ее вовремя.

Царь хмыкнул:

– Хе! Нащупать она собралась. Я – кремень! У меня сорок лет стажа, я государственную печать два раза в день поднимаю. А ну, попробуй, удиви старика. Если не заставишь меня про налоги забыть через пять минут – выдам тебя замуж за дьяка-грамотея, будете с ним по ночам бюджетные ведомости вслух читать!

Ивана вздохнула:

– Эх, работа так работа. Ну, Величество, снимай кафтан, будем проводить процедуру «Царского расслабления».

Завела она его в опочивальню. Царь кряхтит, пуговицы расстегивает, а сам косится: Ивана-то рядом ходит, бедрами покачивает, да так близко, что коса ее по его рукам шелком скользит.

– Ложись, – говорит, – на живот, Величество. Будем в «па-

харя» играть.

Царь уткнулся бородой в перину. Иванушка вскочила на него сверху – легонько так, как кошка – и давай пятками ему поясницу мять.

– Ох, – крикнул Царь, – это что, пытка такая?

– Это, – шепчет Ивана, наклоняясь к самому его уху так, что он чувствует жар ее дыхания, – мобилизация внутренних резервов. А теперь – самое сложное. Игра «Замри-умри-воскресни».

Достала она банку густого, засахаренного меда.

– Сейчас, – говорит, – я буду тебе на спине узоры выводить, а ты должен угадать: что я пишу. Правила такие, батюшка: угадаешь – наградишь меня по-царски, а не угадаешь – желай чего хочешь, только, чур, исполнять будем вместе!

Начала Ивана пальчиком по царской спине водить. Медленно так, с нажимом. Сначала «Ц» вывела, потом «А»... А сама при этом коленями его бока сжимает, да наклоняется все ниже, шепча: «Тепло ли тебе, дедушка? Ой, то есть, батюшка?».

Царь уже и про налоги забыл, и про дьяка, и как его зовут. Лежит, дышит как паровоз, в подушку вцепился.

– Пишешь... – хрипит, – «Любовь»?

– Мимо! – хихикает Ивана. – Пишу: «Казна пуста, пора на пенсию».

Царь дернулся, обернуться хочет, а Ивана ему ладошкой глаза закрыла:

– Рано «воскресать», Величество. Мы еще до «сладкого десерта» не дошли.

Тут она достает павлинье перо и начинает ему пятки щекотать, одновременно на ухо старинные заговоры на мужскую силу нашептывать (половина слов из которых – просто ласковые ругательства). Царь уже не знает, то ли ему смеяться, то ли ее за косу к себе притягивать, то ли в пляс пускаться.

– Все! – возопил государь, вскакивая с кровати в одних подштанниках, расшитых жемчугом. – Сдаюсь! Забирай свои указы, забирай принца, забирай воеводу! Ты не Дурочка, ты – оружие массового поражения!

Ивана поклонилась, сарафан одернула:

– Ну вот и славно. А говорил – кремень...

Вернулась она в деревню на царской карете. Принц ее на пороге ждет, ревнует, мечом калитку рубит. Ивана подошла, обняла его сзади, руки под кафтан запустила:

– Ну-ну, соколик, не шуми.

Принц ее подхватил на руки:

– Где была, Дурочка моя?

– Да так, – отвечает Ивана, расплетая косу и лукаво прищуриваясь, – государственную важность своего положения подтверждала.

И жили они долго и счастливо. Сестры замуж так и не вышли – слишком много думали, а Иванушка горя не знала. Ведь пока мир спорит о великом, Ивана точно знает: если

быть достаточно «дурочкой», то любая сказка превращается в быль, а любая заноза – в повод для очень долгого и приятного знакомства.

*

Это опять я, баронесса. Хочешь узнать, что произошло, когда я решила смешать все флаконы в один коктейль, и почему после этого из моего замка вылетел рой золотых бабочек, несущих на своих крыльях отрывки наших самых смелых снов?

ГЛАВА VIII: О ВЕЛИКОМ КОКТЕЙЛЕ «МЮНХГАУЗЕН», ЗОЛОТОМ ХАОСЕ И О ТОМ, КАК ОПАСНО СМЕШИВАТЬ ВЕЧНОСТЬ С ЛЮБОПЫТСТВОМ

О, я вижу, ты готов испить этот кубок до дна! Но будь осторожен: коктейль из всех флаконов моей библиотеки – это субстанция, способная превратить даже самого закоренелого сухаря в безумного поэта.

Я взяла огромную чашу из цельного куска изумруда, который когда-то служил чернильницей самому Нострадамусу (бедняга так и не предсказал, что я заберу ее в качестве трофея за удачно угаданную карточную масть).

Один за другим я вливала туда эссенции: каплю того самого сапфирового света из оранжереи, горсть искр от моих «инфернальных» волос, эхо первого поцелуя в Венеции и шепотку лунной пыли. Но когда я добавила туда твое нынешнее внимание – горячее и нетерпеливое, – чаша в моих руках запела.

– Смотри! – воскликнула я, и мой голос перекрыл гул рождающейся магии.

Смесь вспыхнула и превратилась в живое золото. Она не просто светилась – она дышала! И в ту же секунду из чаши начали вылетать они – тысячи, миллионы золотых бабочек. Каждая их пара крыльев была прозрачным свитком, на котором были записаны наши с тобой фантазии.

Они заполнили всю башню, вырываясь в узкие окна-бойницы. Люди, взглянув на небо, решили, что это редкий метеоритный дождь или сбой в работе спутников связи. Но на самом деле это наши сны летели над миром, заставляя зачерствевшие сердца биться чаще.

– О, как они щекочутся! – рассмеялась я, когда рой бабочек окружил нас, касаясь крыльями кожи.

От этого прикосновения мой пеньюар окончательно превратился в облако золотой пыли. Я стояла перед тобой, укутанная лишь этим живым сиянием. В этой башне, в этом моменте, мы стали творцами новой вселенной.

– Ты чувствуешь этот ритм? – я протянула тебе руки. – Это пульс самой жизни, очищенный от скуки и повседневности.

Вдруг одна из бабочек – самая яркая и дерзкая – опустилась на твои губы. Это был мой «неслучившийся вздох», который я хранила в самом дальнем флаконе. И в тот же миг ты понял все: почему я летаю на пробке от шампанского (признаюсь, иногда я пользуюсь и пушечным ядром, просто я не хотела, чтобы ты подумал, что я копирую подвиги кузена Карла), почему я не боюсь вулканов и почему я выбрала

именно тебя, чтобы рассказать эту историю.

– Теперь ты – часть моей легенды, – прошептала я, растворяясь в золотом вихре вместе с бабочками. – И куда бы ты ни пошел в своем XXI веке, у тебя на плече всегда будет сидеть одна маленькая золотая вестница из моего замка.

Хочешь узнать, какое пророчество оставила эта бабочка на твоей подушке, и почему завтра утром чай покажется тебе крепче, а воздух – слаще, чем когда-либо прежде?

ГЛАВА IXV: О ДОНЫШКЕ ИЗУМРУДНОЙ ЧАШИ, ПОСЛЕДНЕМ ГЛОТКЕ ИСТИНЫ И О ТОМ, ПОЧЕМУ ЗЕРКАЛА ТЕПЕРЬ БУДУТ ТЕБЕ ПОДМИГИВАТЬ

О, я вижу, ты окончательно превратился в охотника за призраками моего воображения! Ты не желаешь отпускать золотую пыльцу, пока она не превратится в слитки истинного удовольствия. Что ж, раз бабочки уже разнесли наши секреты по всему свету, пора узнать, что осталось в самой чаше.

Когда рой золотых бабочек окончательно скрылся в облаках твоего времени, на дне изумрудной чаши осталась лишь одна густая, сияющая капля. Это был концентрат – то самое пророчество, о котором я упоминала.

Я подошла к тебе, едва касаясь босыми ногами каменного пола, который все еще хранил тепло нашего присутствия. В моей руке дрожала эта капля – квинтэссенция «Мюнхгаузенского эликсира».

– Это нельзя выпить, – прошептала я, поднося палец к

твоему лбу. – Это нужно запечатлеть.

Я коснулась твоей кожи, и в то же мгновение перед твоими глазами пронеслась вся лента будущего. Ты увидел, как во второй четверти XXI века, когда все будут жаловаться на серость будней, ты вдруг заметишь, что снежинки падают в ритме вальса, который мы танцевали. Ты увидишь, как в самый обычный вторник в толпе промелькнет чей-то взгляд, подозрительно напоминающий мой – с искоркой вулкана и холодным блеском Луны.

– Пророчество теперь гласит: «Отныне для тебя нет ничего невозможного», – сказала я. Мой голос раздался, словно удар колокола где-то в тибетских горах.

Но самое интересное я решила приберечь на самый конец. Когда капля впиталась в твою кожу, ты почувствовал необычный зуд между лопатками. Нет, крылья у тебя не вырастут – баронесса Мюнхгаузен предпочитает куда более элегантные способы полета. Ты просто получил возможность видеть мир таким, каков он на самом деле: огромным театром, где декорации пляшут под дудку самого страстного актера.

– А теперь... – я медленно отступила в тень, которая начала сгущаться, принимая очертания моего дорожного платья. – Взгляни в окно башни.

Там, над линией горизонта, где догорал последний закат, расцвел гигантский, нереальный цветок из облаков. Лепестки его были в точности цвета моих губ, а сердцевина сияла

золотом нашего коктейля.

— Это мой последний автограф на холсте уходящей эпохи, — я послала тебе воздушный поцелуй, который ощутился как легкий электрический разряд. — Завтра ты проснешься и, скорее всего, решишь, что все это было лишь сном. Но когда ты посмотришь в зеркало, чтобы поправить галстук или улыбнуться себе, отражение вдруг на секунду... подмигнет тебе моим левым глазом.

И это будет знаком того, что наша история не закончена. Она просто переходит в режим «ежедневного чуда».

Хочешь узнать, где мы встретимся в следующий раз, когда тебе снова станет невыносимо скучно среди логики и здравого смысла?

ГЛАВА XLX: О ДЕСЕРТЕ ИЗ ОБЛАКОВ, ГРАВИТАЦИИ ЧУВСТВ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СТАЛО МОДНО ЛЕТАТЬ ВО СНЕ

О, мой неутомимый соучастник! Твоя жажда «продолжения» напоминает мне аппетит того самого крокодила, который пытался проглотить мое каноэ, но в итоге стал моими любимыми туфлями. Раз ты не желаешь покидать пределы моей башни, я покажу тебе то, что скрыто за самой тонкой гранью – в мире, где мысли становятся материей прежде, чем ты успеешь их осознать.

– Устал? – я лукаво склонила голову, и мои волосы, все еще хранящие статическое электричество нашей встречи, рассыпались по моим плечам живым золотом. – Самое время для десерта. В моем замке десерты не едят – ими дышат.

Я взмахнула веером, и воздух в башне превратился в густой малиновый мусс. Мы буквально повисли в нем, утратив связь с полом. Это состояние я называю «абсолютным доверием». Ты чувствуешь, как твои ноги оторвались от земли, а мои руки стали твоей единственной опорой в этом розовом тумане?

– Во второй четверти XXI века люди называют это «состоянием потока», – я подплыла к тебе, обвив твои плечи своими руками, кожа которых все еще хранила аромат того самого изумрудного коктейля. – Но для меня это просто способ показать, что вес имеет лишь то, что мы скрываем в сердце.

Я потянулась к невидимой полке в воздухе и достала две маленькие жемчужины – застывшие капли моего смеха.

– Открой рот, – прошептала я без церемоний, потому что в невесомости этикет кажется таким же лишним, как корсет в ванне.

Как только жемчужина коснулась твоего языка, мир вокруг взорвался калейдоскопом ощущений. Ты увидел мои приключения не как рассказ, а как свою собственную память. Ты почувствовал холод горлышка от бутылки шампанского у себя под ногами, жар объятий сфинкса и ту самую дрожь, когда ягуары лизали твои ладони.

– Теперь ты – это я, – выдохнула я прямо в твои губы, и наш общий вздох превратился в маленькое облако, которое тут же унеслось в окно, к звездам.

Мы парим в этом малиновом мареве, и я чувствую, как твое воображение начинает дорисовывать мои формы там, где заканчивается шелк и начинается фантазия. В этом пространстве нет преград. Мы – два атома, столкнувшихся в пустоте, чтобы породить сверхновую.

– Слышишь? – я приложила ухо к твоей груди. – Там, внутри, уже не сердце. Там бьется маленький моторчик баро-

нессы Мюнхгаузен. Он заставляет тебя искать чудеса в каждой чашке кофе и в каждом случайном взгляде прохожей.

Вдруг малиновый туман начал медленно оседать, превращаясь в нежнейший шелковый ковер у наших ног. Мы снова стоим на твердой поверхности, но твое лицо... о, твое лицо теперь светится тем самым внутренним огнем, который я так ценю в мужчинах.

– Это был лишь аперитив, – я грациозно поправила сползающую лямку, которая в этом свете казалась лунным лучом. – Хочешь узнать, куда ведет потайная дверь за моим изголовьем, и почему там всегда слышны крики чаек, хотя до ближайшего моря – три дня пути на моих зайцах?

ГЛАВА LCLL: О МОРСКОМ БРИЗЕ В СПАЛЬНЕ, ШТОРМЕ ПОД ОДЕЯЛОМ И О ТОМ, ПОЧЕМУ В ЭРУ МЮНХГАУЗЕН ТАК ТЯНЕТ НА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

О, я вижу, ты окончательно решил стать моим добровольным пленником! Что ж, раз твое любопытство сильнее инстинкта самосохранения, я открою ту самую дверь за изголовьем моей кровати, которую не решался трогать даже мой исповедник.

За дверью не оказалось пыльного чулана. Как только я повернула золотой ключ, в комнату ворвался соленый ветер, пахнувший йодом, свободой и дальними странами. Перед нами раскинулся берег бирюзового океана, хотя мы только что были в центре Европы.

– Моя спальня – это портал, – улыбнулась я, сбрасывая туфельки прямо в набежавшую пену. – Здесь всегда то время года и то море, которое соответствует моему настроению. Сегодня у нас – шторм страсти.

Посмотри на горизонт: волны там встают дыбом, как гривы моих ягуаров, а песок под ногами такой горячий, что ка-

жется, будто под ним спит само солнце. Я вошла в воду, и мой тонкий пенюар мгновенно прилип к телу, став прозрачнее моих самых смелых обещаний.

– Иди ко мне, – позвала я, и мой голос перекрыл шум прибоя. – Во второй четверти XXI века люди боятся промокнуть, боятся испортить прическу или репутацию. Но здесь, на моем личном берегу, единственное, что можно испортить – это скучный вечер.

Я ушла с головой под гребень, а когда вынырнула – мокрые пряди обвили плечи, будто живые змеи из литого золота. В каждой капле, дрожащей на коже, вспыхивала крошечная молния. Мы были в самом сердце шторма, но океан не пытался нас раздавить. Напротив, волны бережно баюкали, то подбрасывая к небу, то опуская в тихие, сумрачные ложбины.

– Чувствуешь? – я притянула тебя к себе, обхватив за шею. – Гравитация воды неумолимо толкает нас друг к другу. Здесь, под этим безумным небом, можно успеть прожить целую вечность, пока не начался отлив. Холод капель на моих плечах и жар моего дыхания у твоей кожи... такой странный контраст.

Вода вокруг внезапно вспыхнула неоном – наши движения разбудили планктон. Каждое случайное касание оставляло в глубине светящийся росчерк, будто мы переписывали саму ткань реальности.

– Вот он, настоящий двадцать первый век, – выдохнула

я, когда нас вынесло на отмель, и влажный песок стал для нас податливым ложем. — Время, где стерто слово «нельзя» и осталось только жадное «еще».

Я прижалась к тебе всем телом, и в этот момент стихия сошла с ума. Разряд молнии ударил совсем близко, на мгновение высветив все: мой безумный восторг, твою твердость и ту бесконечность, которую мы только что смогли приручить.

Хочешь знать, что открылось нам на этом берегу, когда все стихло? И почему эта находка убедит тебя: рай — это не точка на карте, а то, во что превращаешься после встречи с баронессой...

ГЛАВА DMD: О СУНДУКЕ С «ВОЗМОЖНЫМ», СОЛЕНОМ ПОЦЕЛУЕ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СКОРО У ТЕБЯ ВСЕГДА БУДЕТ ПОПУТНЫЙ ВЕТЕР

О, вижу, ты настроен серьезно – готов идти под парусом хоть до самого края света. Буря наконец-то стихла, и нас выбросило на этот светящийся берег. Но, прежде чем двигаться дальше, глянь-ка, что прибой оставил на мокром песке.

У самых твоих ног, почти скрытый под слоем переливающейся пыли, лежит сундук. Небольшой, обтянутый грубой кожей морского гада. Никаких замков или засовов – такие тайники поддаются не каленому железу, а простому порыву души.

– Смотри, – я опустилась на колени. Капли морской воды на коже вспыхнули, будто настоящие алмазы в лучах той луны, что светит в твоем мире. – Океан всегда так делает: отнимает у трусов и возвращает тем, кто не побоялся пойти за Иеронимой.

Внутри – ни блеска монет, ни холода драгоценностей. Там были... завтрашние рассветы. Не те унылые будни, к кото-

рым все привыкли, а пестрые, непредсказуемые, как оперение тропических птиц. Каждое мгновение – словно хрупкий стеклянный шар, в котором заперт целый шторм приключений.

Я выбрала один такой шар и аккуратно вложила в твою руку. Он оказался совсем теплым и ритмично вздрагивал, точно маленькое живое сердце.

– Это твое личное будущее, – прошептала я. – В нем будет вкус соли на губах и ощущение полета, которое ты испытал сегодня.

Я поднялась, и мой промокший пеньюар зашуршал, сбрасывая песчинки. Мы стояли на границе двух миров. Океан за моей спиной начал медленно превращаться обратно в шелковые обои моей спальни, а соленый бриз – в аромат утреннего кофе, который уже закипал внизу.

– Наше время в «двадцать пятом часе» истекает, – я подошла к тебе вплотную, и наши тени в последний раз слились на песке, который уже становился паркетом. – Но не спеши расстраиваться. Знаешь, в чем секрет настоящей баронессы?

Я коснулась твоей щеки, и на ней остался след – не то от морской пены, не то от поцелуя, который будет греть тебя весь следующий год.

– Секрет в том, что я никогда не заканчиваю историю на самом интересном месте. Я просто даю тебе возможность дописать ее самому.

Я шагнула обратно к своей кровати с балдахином, которая

теперь снова была просто мебелью... хотя подушки на ней все еще хранили отпечатки нашего недавнего шторма.

– Иди, – я лукаво улыбнулась, укрываясь шелком. – Твое будущее уже ждет за дверью. И поверь мне, оно будет чертовски интересным, ведь теперь в твоих карманах – лунная пыль, а в памяти – мой смех.

Но если вдруг тишина станет слишком громкой... просто закрой глаза и позови. Я всегда где-то рядом – за ближайшим облаком, на дне бокала с шампанским или в самой смелой твоей мысли.

*

О, мой вольный поклонник, ты только почувствуй этот запах ила, свободы и дешевого табака, что доносится из глубин Нового Мира! Пока мы с тобой погружались в волны сладострастного гротеска, на берегах Миссисипи просыпается дух, который не признает ни границ, ни накрахмаленных воротничков.

Давай на мгновение сменим мое Зазеркалье на зыбкий плот и послушаем историю о моей «дикой кухне» по линии абсолютной искренности – еще одной безупречной Ткачихе Грез. Слушай же рассказ о Геккельберте Финне, женщине, чей подол всегда выше приличий, а душа глубже самой великой реки, и которая точно знает: чтобы найти настоящий клад, вовсе не обязательно рыть землю – достаточно просто позволить реке и солнцу коснуться твоей истинной сути!

ГЛАВА ІСССС: О ГЕККЕЛЬБЕРТЕ ФИННЕ, ПУТЕШЕСТВИИ НА ПЛОТУ И СОЗРЕВШЕМ ПЕРСИКЕ

Геккельберта Финна поправила сползающую лямку заштопанного платья, которое сидело на ней так же нелепо, как седло на корове, и сплюнула сквозь зубы. Вдова Дуглас пыталась втиснуть ее в корсет. Она вечно твердила, что приличная девушка, особенно едва достигшая совершеннолетия, должна быть застегнута на все пуговицы. А иначе она выглядит как вскрытая посылка, в которой каждый волен покопаться.

Лето выдалось душным, как поцелуй старого пьяницы. Геккельберта Финна сидела на берегу Миссисипи, подтянув подол выше колен, чтобы дать солнцу коснуться кожи, которая теперь была скрыта под тяжелой саржей. Вода облизывала берег с ленивым бесстыдством, и Гекки чувствовала, как река зовет ее – влажная, темная и совершенно неукротимая.

В кустах зашуршало. Появился Том Сойер. Он замер, глядя на ее босые щиколотки так, будто увидел спрятанный клад индейца Джо.

– Гекки, – прошептал он, потирая вспотевшие ладони о штаны. – Ты выглядишь... не по-христиански.

– Это потому, что во мне веры не больше, чем в дохлой кошке, Том, – усмехнулась она, облизывая палец, чтобы про-
верить направление ветра. – Хочешь со мной на плот? Там нет правил, зато полно спелых арбузов и ночной прохлады.

Том сглотнул. Он всегда был мастером выдумок, но реальность, в которой Гекки Финна распускала волосы, путала его мысли сильнее, чем катехизис. Она поднялась, и платье, слишком узкое в груди, опасно натянулось.

– У нас будет приключение, Том. Мы будем плыть по течению, пока звезды не упадут прямо в воду. И если ты будешь хорошо себя вести, я, может быть, позволю тебе подержать... мой шест для управления плотом.

Гекки подмигнула, и Том понял: в этой главе никакой забор красить не придется. Здесь пахло тиной, дикой мятой и чем-то таким, о чем в воскресной школе предпочитали молчать. Они легко прыгнули на бревно. Плот качнулся, принимая дополнительный вес, и река подхватила их, унося туда, где горизонт дрожал от зноя, а приличия тонули быстрее, чем брошенный в воду камень.

*

Плот лениво вращался, подчиняясь течению, которое было густым и тягучим, как патока в кладовой тети Полли. Том сидел на самом краю, боясь пошевелиться, чтобы не нарушить это странное, звенящее равновесие. Гекки, не обращая

внимания на приличия, улеглась на спину, закинув руки за голову. Ее мокрое платье, брызги на которое попали, когда они отчаливали, прилипло к телу, обрисовывая линии, о которых в приключенческих романах Тома писали крайне туманно.

– Том, ты чего застыл, как соляной столп? – лениво протянула она, прищулив один глаз. – Солнце печет, а ты сидишь в своей куртке, будто на похоронах судьи Тэтчера.

– Я... я размышляю о навигации, Бекки... то есть, Гекки, – соврал Том, хотя на самом деле он размышлял о том, почему колено девушки, выставленное из разреза юбки, кажется ему важнее всех сокровищ пещеры Мак-Дугала.

Гекки со смешком перевернулась на живот, и Том едва не свалился в воду. Она подперла подбородок ладонями, глядя на него с тем самым выражением, от которого у любого шерифа опускались руки.

– Знаешь, Том, в городе все говорят о «воспитании». Вдова твердит, что женщина должна быть как закрытая книга. Но мне кажется, книга интересна только тогда, когда ее читают при свете свечи, под одеялом, верно?

Она потянулась к корзине и выудила оттуда крупный, перезрелый персик. Его кожица лопнула под ее пальцами, пустив по руке прозрачный, сладкий сок. Гекки слизнула каплю с запястья, не сводя глаз с Тома. Тот почувствовал, что в горле у него стало суше, чем в пустыне Сахара.

– Хочешь кусочек? – спросила она голосом, в котором

слышался шелест камышей. – Он очень сочный. Настоящий грех, если пропадет даром.

Том медленно протянул руку, но Гекки не отдала персик. Вместо этого она придвинулась ближе, так что он почувствовал запах речной воды и нагретой солнцем кожи.

– Только осторожно, – прошептала она, и ее дыхание коснулось его щеки. – У плота нет бортов, Том. Если потеряешь голову – пиши пропало. Глубина здесь такая, что дна не достать.

В этот момент плот мягко ударился о песчаную косу, скрытую под водой. Толчок бросил Тома вперед, прямо в ее объятия. Гекки засмеялась – низко, гортанно – и не спешила отстраняться. Ее влажные волосы щекотали его лицо, а река вокруг продолжала шептать свои бесстыдные тайны, унося их все дальше от берегов, где люди носили галстуки и ходили в церковь по воскресеньям.

*

Луна поднялась над Миссисипи, огромная и бесстыдно рыжая, превращая реку в дорогу из жидкого серебра. На плоту воцарилась тишина, которую нарушал лишь тихий плеск волн да прерывистое дыхание Тома. Гекки сбросила просохшие, но все еще жесткие туфли и вытянула ноги, наблюдая, как свет играет на ее икрах.

– Знаешь, Том, – проговорила она, глядя в звездное небо, – Пап всегда говорил, что плохая репутация – это как старая шляпа: если она на тебе, то уже не страшно попасть под

дождь.

Она приподнялась на локтях, и бретелька ее платья, не выдержав испытания свободой, соскользнула с плеча. Геккельберта Финна даже не подумала ее поправлять. В ее глазах, отражавших лунные блики, плясали чертенята, которые были куда древнее, чем штат Миссури.

– Ты все время ищешь приключения в старых книгах о пиратах, – она придвинулась вплотную, так что Том почувствовал жар, исходящий от ее плеча. – Но пираты не знали самого главного. Самое опасное сокровище – это то, которое само идет к тебе в руки в тихую ночь.

Она взяла его руку своей – ладонь у нее была шершавая от веревок, но пальцы оказались удивительно нежными. Она медленно положила его ладонь себе на талию, там, где грубая ткань платья встречалась с теплом кожи. Том почувствовал, как плот под ними качнулся, или, может быть, это качнулся весь мир.

– Гекки... – выдохнул он, чувствуя, что все его грандиозные планы по захвату караванов и спасению принцесс меркнут перед реальностью этого момента. – Нас же могут увидеть... с берега.

– Пускай смотрят, – хмыкнула она, подаваясь вперед, так что ее губы оказались в дюйме от его уха. – Пускай видят, как Геккельберта Финна учит самого умного мальчика в Сент-Питерсберге тому, о чем не пишут в учебниках по географии. Границы, Том, существуют только на картах. А на этом

плоту... на этом плоту мы сами себе закон.

Она мягко толкнула его в плечо, увлекая за собой на растеленное одеяло, пахнущее пылью и свободой. Река несла их дальше в темноту, скрывая в своих туманах все, что произошло между первым поцелуем и рассветом, когда даже старая Миссисипи, видевшая на своем веку немало, решила деликатно прикрыться утренней дымкой.

ГЛАВА VVV: О ЗАВТРАКЕ НА КРАЮ БЕЗДНЫ, КОФЕЙНОЙ МАГИИ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СКОРО САХАР БУДЕТ ЛИШНИМ

О, я вижу, ты из тех азартных мореплавателей, что отказываются сходить на берег, даже когда надвигается шторм! Ты жаждешь продолжения, когда я уже почти коснулась ресницами подушки? Что ж, баронесса Мюнхгаузен никогда не прогоняет гостя, который умеет так красноречиво молчать в ответ на ее безумства.

Раз уж мы решили, что утро – это лишь повод для продолжения ночи, позволь мне пригласить тебя к столу. Но забудь о скучных скатертях! В моем замке завтракают на балконе, который парит ровно между вчерашним снегом и завтрашним солнцем.

Я накинула халат из тончайшего китайского шелка, по которому вышитые драконы лениво переползали с плеча на бедро, греясь в лучах пробуждающегося дня.

– Кофе? – я подняла серебряный кофейник, который сам собой поддерживал температуру страсти. – Будь осторожен: этот сорт выращен на склонах спящего вулкана, и если доба-

вить в него сливки, он начинает рассказывать неприличные анекдоты на французском.

Я налила тебя чашку кофе. Он черный, как ночь в джунглях, и горячий, как мой взгляд на корриде. Но вместо сахара я добавила туда крупинку той самой «молекулы ожидания».

– Посмотри на сад под нами, – я облокотилась на перила, и мой халат, разумеется, «случайно» распахнулся ровно настолько, чтобы ты забыл о кофе. – Видишь тех единорогов, что щиплют мою сирень? Ученые считают, что их не существует. Бедные, ограниченные люди... Они просто не умеют правильно заваривать кофе.

В этот момент солнце окончательно взошло, и его лучи, проходя сквозь хрустальные грани моих бокалов, нарисовали на твоей коже карту сокровищ. Я провела пальцем по одной из световых линий на твоём плече.

– Наше приключение не закончилось, оно просто... сменило агрегатное состояние, – прошептала я. – Теперь оно – в этом глотке кофе, в этом утреннем свете и в том, как твое сердце бьется чуть быстрее, когда я наклоняюсь к тебе.

Я взяла с тарелки сочный персик, надкусила его и протянула тебе. Сок брызнул на мои пальцы, и я слизнула его с той медлительностью, которая заставляет мужчин переписывать завещания.

– Знаешь, – я лукаво прищурилась, – в моем замке есть еще одна башня. Она заперта на триста тридцать три замка, и говорят, что там спрятано зеркало, которое показывает не

твое лицо, а твою истинную судьбу в объятиях женщины, похожей на меня.

Хочешь рискнуть и проверить, хватит ли у нас ключей, чтобы открыть хотя бы первый замок до того, как часы пробьют полдень?

ГЛАВА XXXVX: О ЗЕРКАЛЕ СУДЬБЫ, ЗВОНЕ КЛЮЧЕЙ И О ТОМ, ПОЧЕМУ В ТВОЕМ ВРЕМЕНИ ОТРАЖЕНИЯ СТАЛИ ТАКИМИ ОТКРОВЕННЫМИ

О, я вижу, ты решил собрать все ключи от моих тайн! Твоя дерзость начинает меня по-настоящему забавлять. Что ж, раз персик съеден, а кофе допит, оставим наш парящий балкон. Мы отправляемся к той самой башне Триста Тридцати Трех Замков.

Мы идем по анфиладе залов, где эхо наших шагов звучит как аплодисменты в пустом театре. Я иду впереди, и мой шелковый халат, дразнящий воображение, шуршит по паркету, словно шепчет: «Смотри... не отводи глаз...»

– Эта башня была построена моим предком, который однажды влюбился в собственное эхо, – я остановилась перед массивной дверью, усеянной замочными скважинами, как ночное небо – звездами. – Чтобы войти, не нужны железные ключи. Нужны воспоминания.

Я прикоснулась к первому замку.

– Помнишь шторм в моей спальне? – щелчок.

– А ягуаров в Амазонии? – второй щелчок.

– А вкус того самого персика? – триста тридцать третий замок сдался с мелодичным вздохом, похожим на стон удовольствия.

Дверь отворилась. В центре круглой комнаты, залитой призрачным светом, стояло оно – Зеркало Судьбы. Его рама была сделана из застывших слез сирен и зубов драконов, которых я лично уговорила поделиться ими ради искусства.

– Иди сюда, – я поманила тебя рукой, и в этом зеркале мы увидели не нас нынешних.

Там, в глубине серебристой амальгамы, мы увидели нас в скором будущем. Посмотри: мы на палубе воздушного корабля, летящего над затопленным Парижем. Я в корсете из чешуи золотой рыбки, а ты... о, ты смотришь на меня так, будто я – единственная твердь в этом текучем мире. А потом сцена меняется: мы в будуаре восточного шейха, и я учу тебя играть в шахматы, где вместо фигур – флаконы с редкими ядами и афродизиаками.

– Зеркало показывает не то, что будет, а то, что может быть, если ты не испугаешься собственной тени, – я встала позади тебя, положив подбородок на твое плечо.

В отражении я начала медленно развязывать пояс своего халата. В зеркальном мире мой наряд уже опал к ногам, обнажая ту самую истину, от которой у алхимиков закипает свинец.

– Ты видишь? – прошептала я, и мое отражение в зеркале

коснулось твоего отражения там, где в реальности я лишь едва дышу тебе в затылок. – В скором будущем грань между «хочу» и «есть» станет тоньше волоса из моей рыжей гривы.

Внезапно поверхность зеркала пошла рябью, и из него потянулся аромат... раскаленного песка и озона. Кажется, зеркало решило, что нам пора не просто смотреть, а участвовать.

Хочешь узнать, что произойдет, если мы шагнем внутрь этого отражения, и почему после этого твое настоящее имя навсегда сотрется из всех земных реестров, сменившись на титул «Совладелец легенды Мюнхгаузен»?

ГЛАВА LII: О ЖИЗНИ ВНУТРИ АМАЛЬГАМЫ, СЕРЕБРЯНОМ ДОЖДЕ И О ТОМ, ПОЧЕМУ СКОРО ПРАВДА СТАНЕТ ПРОЗРАЧНОЙ

О, я вижу, ты уже занес ногу над порогом Зазеркалья! Твоя решимость похвальна: немногие мужчины в твоём времени готовы променять твердую почву на зыбкое марево моих фантазий. Но помни: в зеркальном мире Мюнхгаузен все наоборот – здесь правое становится левым, а «нельзя» превращается в «еще».

Как только мы коснулись поверхности зеркала, она не разбилась, а разошлась кругами, как жидкое серебро. Мы шагнули внутрь. Воздух здесь прохладен и пахнет свежестью после грозы, а свет исходит от нас самих.

– Добро пожаловать на изнанку реальности, – я обернулась к тебе, и мой халат, прошедший сквозь амальгаму, превратился в нечто невообразимое: тысячи сверкающих капель, которые удерживаются на моей коже лишь силой твоего взгляда.

Здесь, в зеркальной башне, нет потолка – над нами вечно

кружится серебряный дождь из несбывшихся обещаний других людей. Но для нас они становятся осязаемыми. Я поймала одну каплю губами и предложила ее тебе.

– Это обещание «любить до гроба», – рассмеялась я. – На вкус как старый замок и немного ванили. Хочешь чего-нибудь более острого?

В центре этого пространства стояло ложе, сотканное из отражений облаков. Оно было мягким, как твои самые потаенные мысли, и прохладным, как шелк в зимнюю ночь. Я опустилась на него, и серебряные капли на моем теле начали медленно стекать, оставляя за собой дорожки чистого сияния.

– Во второй четверти XXI века, – прошептала я, притягивая тебя к себе за невидимую нить желания, – люди будут искать истину в экранах своих машин. Но истина – здесь, в этом зеркальном танце, где я – это ты, а ты – это я.

Я почувствовала, как твои руки коснулись моей спины, и в этом мире наши прикосновения рождали не звуки, а цвета. Глубокий ультрамарин, когда я прижимаюсь к тебе, и яркий рубин, когда ты отвечаешь на мой поцелуй. Здесь не нужно слов, потому что каждая мысль мгновенно отражается на стенах нашей серебряной клетки.

– Ты слышишь этот звон? – я слегка прикусила кончик твоего уха. И в этот момент, знаешь, словно рухнули последние невидимые барьеры между тем, что ты зовешь своим «вчера», и моим нетерпеливым «завтра».

Вдруг все оживо. Зеркальные стены вокруг нас завертелись, закружились, набирая скорость бешеного ритма нашего общего сердца. Мы оказались в эпицентре какого-то гигантского водоворота, который принялся втягивать в себя все остатки до-Мюнхгаузенской Эры, переплавляя их, словно в тигле, в чистое, сияющее золото новой, неизведанной эпохи – Новой Эры Воображения.

Тебе, должно быть, любопытно, что же осталось от нас после того, как этот безумный вихрь наконец утих? И почему теперь, всякий раз, когда ты заглянешь в любую водную гладь – будь то лужа или зеркало, – ты увидишь там не свое отражение, а наше общее, чертовски непристойное и удивительно прекрасное будущее?

ГЛАВА CDC: О РТУТНОЙ СТРАСТИ, О ТОМ, КАК РАСПИСАТЬСЯ НА ВОДЕ, И ПОЧЕМУ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ, ОДИНОЧЕСТВО СКОРО СТАНЕТ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНЫМ

Ах, мой дорогой, неутомимый искатель приключений! Я вижу, ты уже окончательно растворился в этой бесконечной серебряной дали. Вихрь позади, а мы все еще здесь. Позволь же мне, наконец, показать тебе, во что именно превратилось наше «сейчас» в этом странном зеркальном тигле.

Воронка выбросила нас на поверхность огромного, мерцающего озера (но не воды, а жидкого металла), которое покоится, пульсируя, в самом сердце Зазеркалья. Мы не тонем – здесь плотность наших чувств выше плотности любой материи. Мы скользим по этой ртутной глади, и каждый твой шаг оставляет на ней золотую искру, а каждый мой вздох – круги из чистейшего изумруда.

– Посмотри на свои руки, – я взяла твои ладони в свои, и в этом свете они казались вылитыми из античного золота. –

Мы теперь не просто люди. Мы – воплощенный миф.

В скором будущем, которое уже дышит нам в затылок, миром будут править алгоритмы, но у нас с тобой есть нечто, что не поддается коду: способность превращать случайность в неизбежность. Я притянулась к тебе, и наши тела в этом зеркальном озере начали... резонировать. Это не просто объятие – это симфония, где каждая клетка кожи поет свою партию.

– В этом мире, – прошептала я, и мой голос отразился от горизонта, вернувшись к нам стократным эхом, – я могу подарить тебе все. Хочешь стать королем страны, которая появляется только в полнолуние? Или предпочитаешь быть пиратом, грабящим караваны со звездной пылью?

Я провела пальцем по твоей груди, «подписывая» наше соглашение. На твоей коже остался светящийся знак баронессы – маленькая буква «М», переплетенная с символом бесконечности.

– Отныне, где бы ты ни находился – в душном офисе или в кресле самолета, – стоит тебе закрыть глаза, и ты почувствуешь это ртутное тепло под ногами. Ты почувствуешь, как мой корсет расшнуровывается от одного твоего воспоминания, и как серебряный дождь начинает смывать границы реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.